

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК X

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1971

С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц
СОГДИЙСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ БУГУТА

I

В 1956 г. монгольский археолог Ц. Доржсурэн обнаружил в Арахангайском аймаке МНР, примерно в 10 км к западу от Бугута, погребальный комплекс тюркского времени (VI—VIII вв.)¹. На невысокой прямоугольной земляной насыпи (35×16×0,5 м) был сооружен каменный курган (диаметр — 10 м, высота — 0,7 м), к юго-востоку от которого стояла стела из бурого песчаника, а далее, за пределами насыпи, тянулась цепочка балбалов. После окапывания стелы выяснилось, что высота ее равна 1,98 м, ширина в основании — 0,7 м, толщина — 0,2 м. Стела была установлена на спине каменной черепахи, содержала надписи на четырех гранях и сохранялась в первоначальном положении с момента установки. Верхняя половина стелы частично обломана. Обнаружены также основания шести деревянных столбов, поддерживавших крышу над стелой; серая, слабого обжига черепица найдена тут же. Раскопки кургана казались малоперспективными в виду наличия грабительской воронки в его насыпи. Стела и черепаха были доставлены в Арахангайский краеведческий музей в г. Цэцэрлэге.

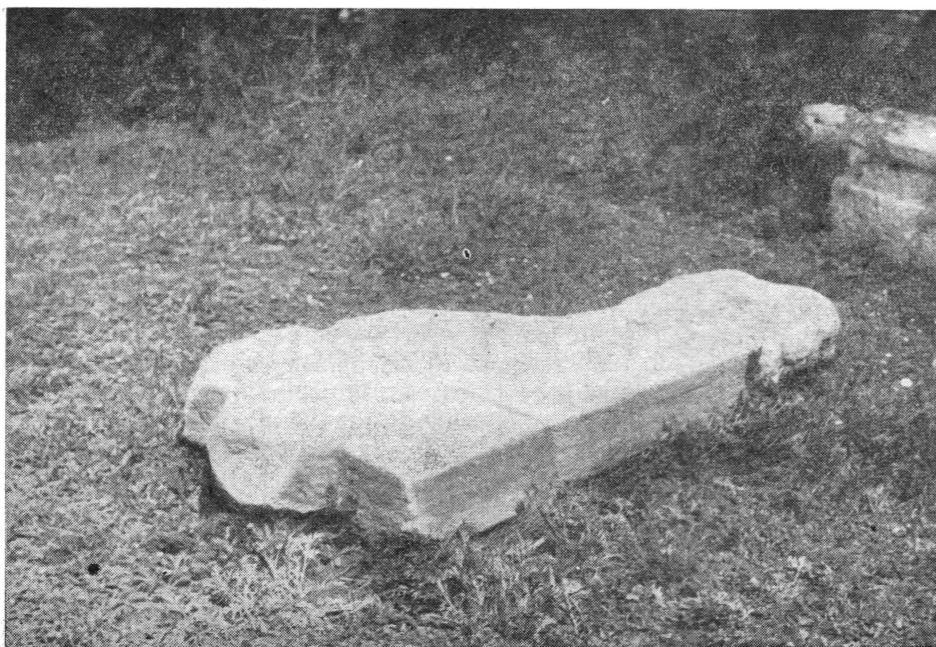
В 1968 г. акад. Б. Ринчин издал фотографию части нескольких строк надписи на «лицевой» стороне стелы. Буквы, сильно искаженные ретушью, были определены в этой публикации как «уйгурская надпись» [33, стр. 75]. В том же году С. Г. Кляшторный имел возможность ознакомиться со стелой в музее г. Цэцэрлэга, произвел ее обмеры и сделал фотографии. По этим фотографиям второму автору настоящей статьи удалось установить, что курсивная надпись, вырезанная на одной широкой («лицевой») и двух узких (боковых) гранях стелы — согдийская. В 1969 г. С. Г. Кляшторный еще раз обследовал стелу, вновь сфотографировал ее и сделал эстампажи согдийской надписи. В дальнейшем мы будем обозначать стелу сокращенно Б (Бугутская), а ее грани соответственно: Б I — левая боковая, Б II — «лицевая» (первая широкая), Б III — правая боковая, Б IV — «оборотная» (вторая широкая).

На Б IV, судя по имеющимся фотографиям, можно различить сле-

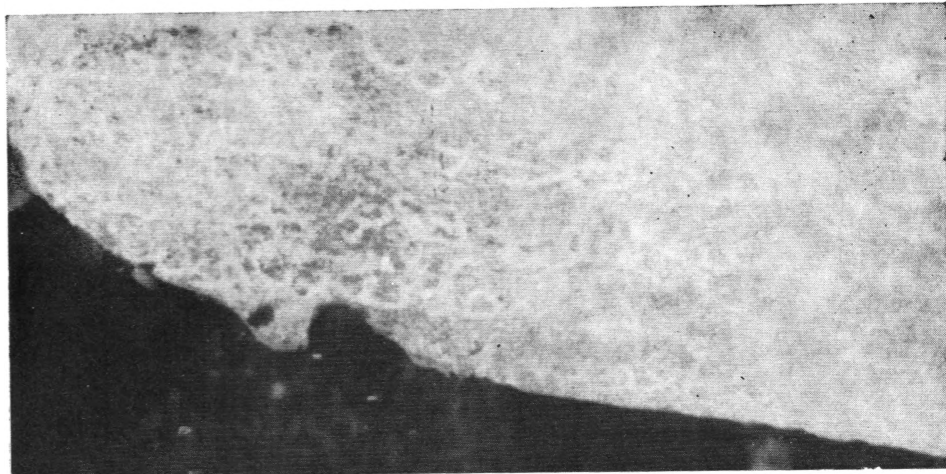
¹ Обстоятельства находки излагаются по устному сообщению Ц. Доржсурэна. В 1969 г. погребальный комплекс был обследован С. Г. Кляшторным. В 1970 г. стелу и комплекс вновь обследовал В. А. Лившиц; изучение полученных результатов продолжается. В полевых работах приняли участие наши монгольские коллеги, которым мы признательны за сотрудничество.

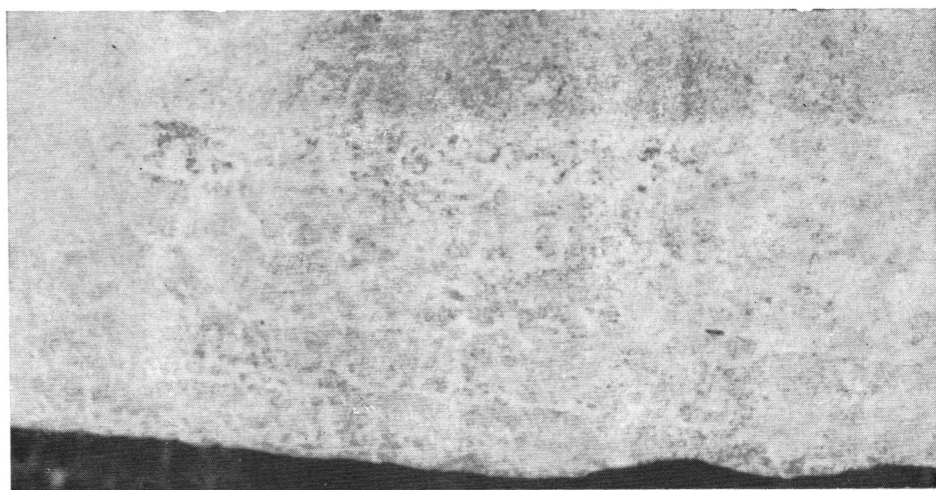
Навершие стелы

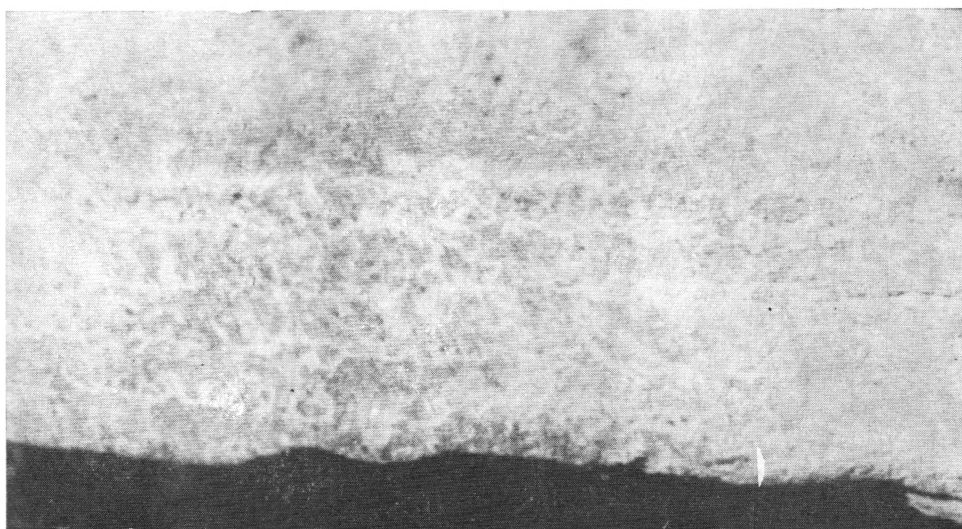
Общий вид стелы

Б1 (начальные части строк)

Б1 (середина строк)

Б-1 (конец строк)

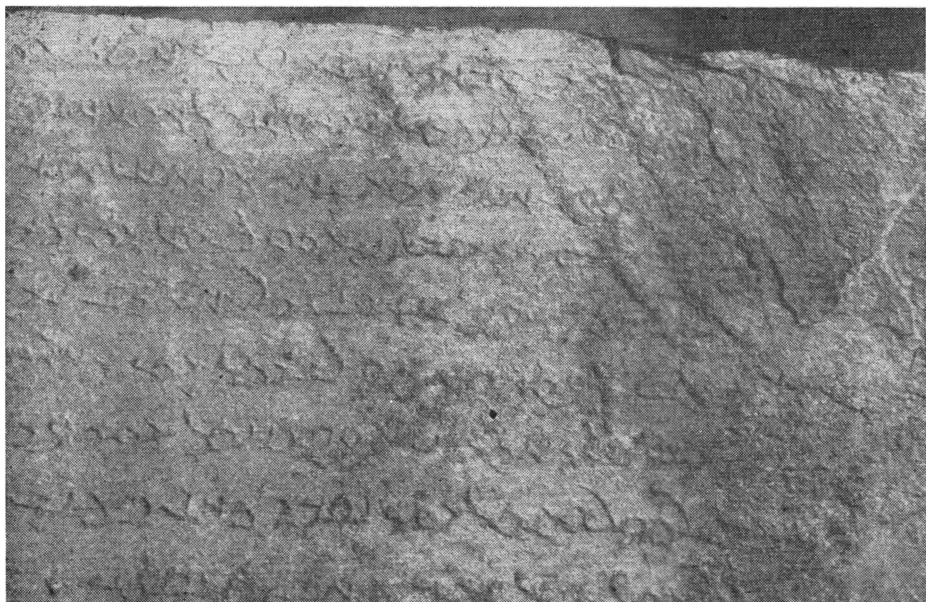
Б II (начальные части строк 1—8)

ды более чем 20 строк надписи, начертанной, по-видимому, иероглифическим письмом. Текст ее пострадал очень сильно в результате выветривания. В музее стела лежит на грани Б IV, что еще более ухудшило сохранность этой надписи. Точное определение ее письма и языка станет возможным только после тщательной очистки грани Б IV, получения более четких фотографий и снятия эстампажей. Тогда, по-видимому, удастся выяснить и отношение текста этой надписи к согдийской надписи, занимающей три другие грани стелы. Знаки на Б IV очень мелкие и вырезаны неглубоко.

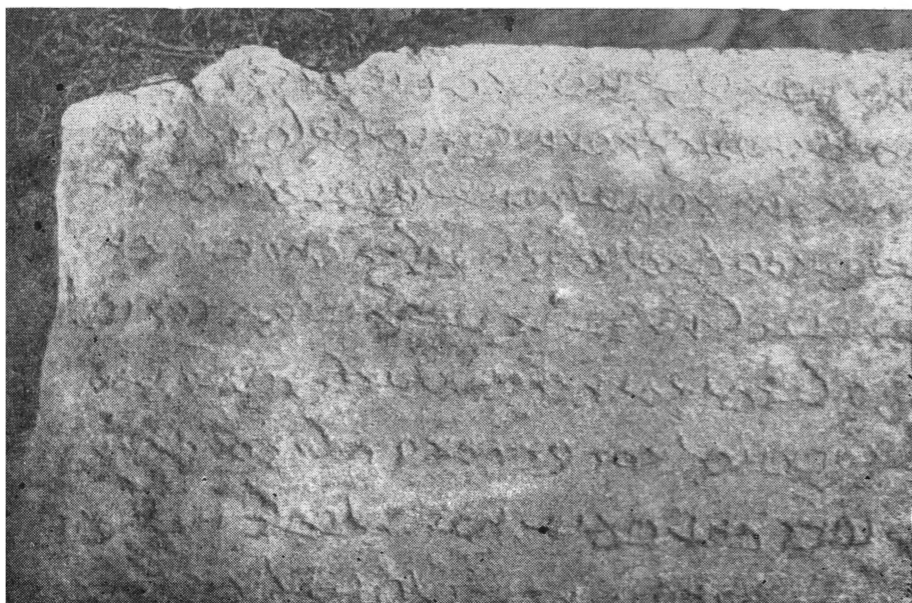
Согдийская надпись на Б I—II—III начертана по вертикали (сверху вниз), счет строк — слева направо. При таком расположении надписи начал ее нужно, очевидно, искать на Б I (левой боковой грани) и предполагать такую последовательность частей текста: Б I—II—III.

Надпись содержит не менее 30—32 строк, из них уцелели части 29 строк — 5 на Б I, 19 на Б II, 5 на Б III. Точно установить структуру текста трудно вследствие плохой его сохранности. Длина каждой строки первоначально составляла около 120 см. Как можно судить по фотографиям и эстампам, имеющимся в распоряжении авторов, сохранилось лишь около половины текста, причем в наибольшей степени пострадали начальные части строк.

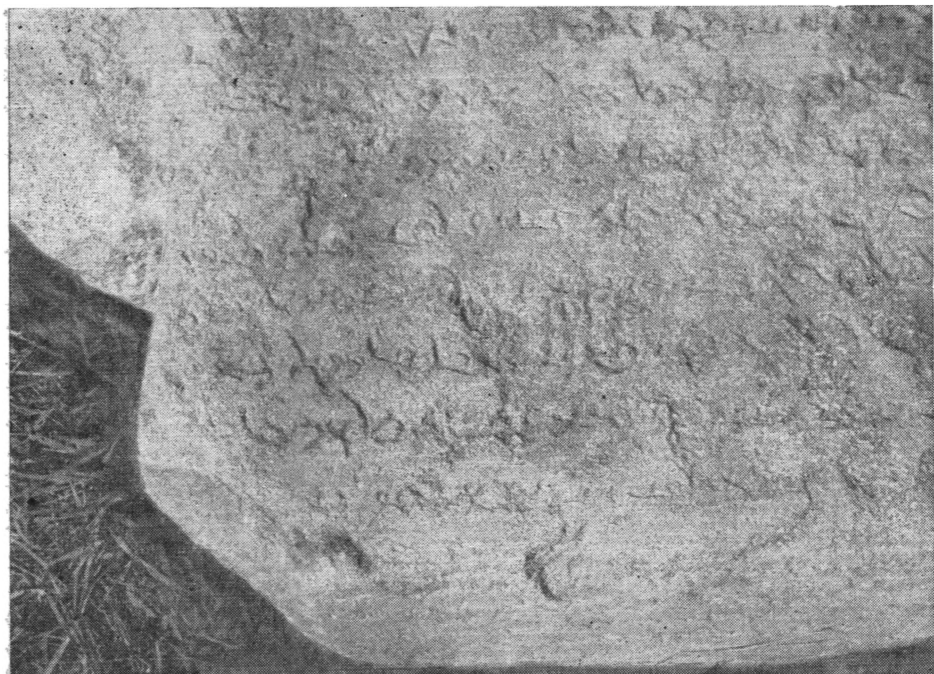
На грани Б I строки 1—4 в начальной, поврежденной в результате эрозии части содержали от 10 до 30 букв (15—40 см длины каждой строки). 5-я строка разрушена еще больше, здесь повреждена и середина строки. На грани Б II уцелели части 19 строк. Зона эрозии и многочисленные выбоины захватывают в строках 1—8 около половины текста; в каждой строке уничтожено или повреждено примерно 35—45 букв. По имеющимся фотографиям и эстампам восстановить на-

Б II (строки 1—9)

Б II (конец строк 1—9)

Б II (конец строк 10—17)

чальные части этих строк нам не удалось — здесь можно распознать лишь отдельные буквы, в немногих случаях — целые слова. Однако не исключено, что по оригиналу в начале строк 1—8 удастся восстановить связный контекст. В строках 9—19 начало (от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ строки) уничтожено в результате отлома правой верхней части стелы (местонахождение обломков нам неизвестно). Зона эрозии в строках 14—19 захватывает середину строк, так что здесь можно различить лишь отдельные буквы. На грани Б III сохранилась вторая половина строк 1—4, начало отломано. В строке 5-й можно различить лишь следы букв. Таким образом, о содержании согдийской надписи на Б I—II—III в настоящее время приходится судить лишь по сравнительно небольшим фрагментам, сохранившим, как правило, лишь заключительные части строк.

Надпись вырезана опытной рукой. В размерах букв на протяжении всей надписи соблюден определенный ритм: высота знаков около 1,5 см, ширина — от 1 до 2 см. Формы букв согдийского курсива свидетельствуют не только о хорошей профессиональной выучке резчика, но и о сравнительно ранней дате надписи.

II

Бугутская стела заметно отличается от известных до сих пор намогильных памятников, воздвигнутых в честь тюркских и уйгурских каганов и виднейших политических деятелей конца VII—IX вв., хотя сам погребальный комплекс, в состав которого входила стела, укладывается, по классификации Б. Я. Владимирцова [5, стр. 42], в тип «ханских погребений» [ср. 40, стр. 538—542]. В частности, как и в других хан-

ских погребальных сооружений, стела установлена на черепахе, что свидетельствует о принадлежности погребенного к каганскому роду. Между тем на стеле отсутствует родовой знак каганов второй тюркской династии (691—742) — схематическое изображение горного козла [ср. 14, стр. XVII].

Барельефное навершие Бугутской стелы сохранилось не полностью, однако ясно, что оно совершенно отлично от наверший ранее известных памятников. Барельефы, выполненные на обеих широких гранях стелы, одинаковы по сюжету и технике исполнения; более того, была сделана попытка (впрочем, незавершенная) соединить барельефы на боковых гранях и таким образом превратить их в единое скульптурное изображение. Главная часть навершия — не каганский знак или китайские императорские драконы, как на памятниках конца VII—IX в., а изображение волка (или волчицы), под брюхом которого нечетко изображенная, но несомненно человеческая фигурка. Вряд ли есть основания сомневаться, что здесь изображена сцена древнетюркского генеалогического мифа, наиболее полно сохраненного (в записи со слов тюркского информатора) в китайской династийной хронике Чжоу-шу (хроника, законченная составителем в 629 г., охватывает период 556—581 гг.). Согласно легенде, предки тюрков, жившие на краю большого болота (по другой версии — на западном берегу Си хай, «Западного моря») ², были истреблены воинами соседнего племени. В живых остался лишь изуродованный врагами десятилетний мальчик, которого выкормила волчица, ставшая впоследствии его женой. Скрываясь от врагов, волчица бежит в горы к северу от Гаочана (Турфанский оазис). Там, в пещере, она рождает десять сыновей, отцом которых был спасенный ею мальчик. Сыновья волчицы женятся на женщинах из Гаочана. Один из них, по имени Ашина, стал вождем нового рода и дал ему свое имя. Впоследствии вожди ашина выводят своих сородичей на Алтай, где они и принимают имя тюрк.

Эта легенда, тотемистический характер которой очевиден, нашла воплощение в символике царских атрибутов тюркских каганов — их знамена были увенчаны золотой волчьей головой, а телохранители назывались «волками» ³.

Особенности Бугутского памятника, отмеченные выше, позволяют отнести лицо, в честь которого он был воздвигнут, к членам тюркского каганского рода Ашина и датировать весь погребальный комплекс временем первой тюркской династии (551—630).

III

В сохранившихся фрагментах надписи содержится два хронологических указания. Первое, в начальной части надписи (Б I, стк. 1), следует, по-видимому, отнести к сооружению стелы, хотя само обозначение стелы — (...) uwkh — остается не вполне ясным ⁴: [7—8 букв]

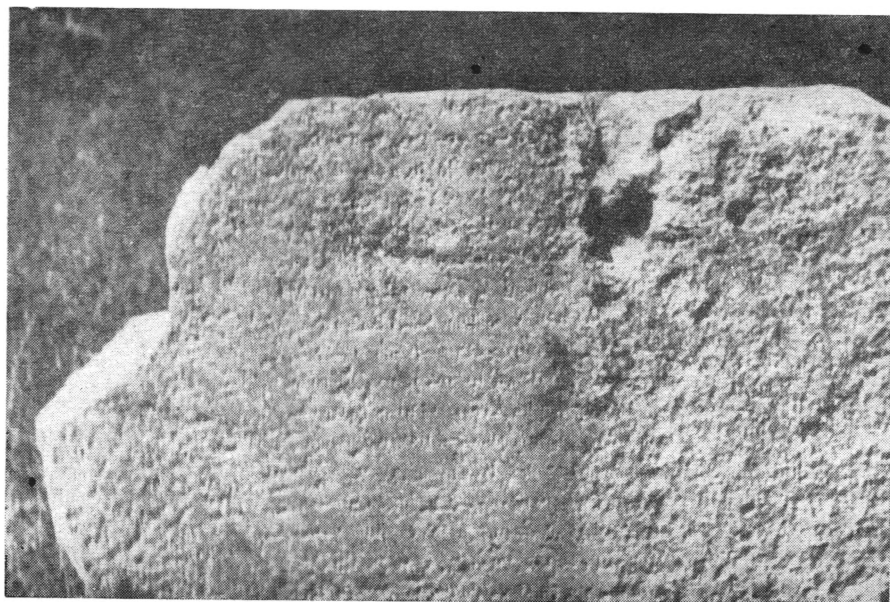
² Благодаря исследованиям Р. Матера [58, стр. 75, 88] можно довольно уверенно локализовать район Си хай применительно к той эпохе — это обширная дельта р. Эдзин-гол, протоки которой впадают в озера Гашун-нор и Сого-нор, окруженные множеством мелких озер и солончаковыми болотами. Округ Си хай входил в провинцию Лян, включавшую в себя большую часть Ганьсу, Турфанскую депрессию на северо-западе и Синин на юге.

³ Этот сюжет подробно разработан Дж. Клосоном [31].

⁴ В транслитерации в квадратные скобки заключены полностью уничтоженные буквы, в круглые — частично поврежденные; дефис указывает на отсутствие соединения с последующей буквой.

Б III

Б IV

(...)uwkh 'wst't δ'r'nt tr'wkt c(yns?)t(n)⁵ kwts'tt 'γšy-wn'k «..... стелу (?) установили тюрки (при) государе Китая (?) Кутсат». Наличие в начале надписи слова со значением «памятник» или «стела» кажется весьма вероятным, поскольку именно это слово должно выступать в качестве прямого объекта к последующему сказуемому 'wst't δ'r'nt «установили» (3 Pl. Perf. от 'wsty-: 'wst't- «класть, устанавливать»). Чтение (pt)s'kh вместо (...)uwkh кажется маловероятным, ср. pts'k «памятник, стела» в Карабалгасунской надписи [46, стр. 15, 19, 21; 49, стр. 86] от pts'c-(p(a)tsāč-) «устраивать, устанавливать, воздвигать», а также парф. ḥnsk (hansāk) «стела» от *hansāč- «устанавливать, воздвигать» [51, стр. 176; 50, стр. 41]. В древнетюркских рунических надписях «стела» именуется обычно beḡkū (beḡgū, beḡū), букв. «вечный», beḡgū taš «каменная плита с надписью [ср. 40, стр. 544—545], а также просто taš «камень» (см., например, [13, стр. 9, 19, 37]). Для 'wst't δ'r'nt «установили» ср. в рунических надписях в аналогичных контекстах глагол tik- (tik-III), имеющий, подобно согд. 'wsty-, значения «устанавливать, водружать»⁶. Если предположить, что очень плохо различимые буквы, непосредственно предшествующие uwkh, составляют артикль или указательное местоимение (например, 'mḥ «эта, эту»), то слово uwkh следует, очевидно, толковать как «поучение, назидание» (отглагольное имя от uwс- «учить, обучать»), ср. согд.-маних, uwk fs'k «поучения, наставления» [44, § 1635]. Не исключено, однако, восстановление (')uwkh «вечный» (или «вечная») — субстантивированное прилагательное от др.-ир. *āyu-ka- (авест. āyu- «продолжительность», ср. согд. 'ukwп «вечно» из *āyu-ka-na-, 'kwпсуḡ «вечный» [44, § 423, 1014])⁷, которое было бы точным соответствием древнетюркского beḡkū рунических надписей.

Чтение sunstn также не может считаться достаточно надежным (повреждено не менее трех букв), однако несомненно, что Kwts'tt — передача китайского имени или девиза правления. Слово (')γšywn'k «правитель, государь» в этой надписи, как и в других согдийских текстах, не имеет строгого терминологического значения, так что употребление его для обозначения китайского императора (вместо титула βḡrwg, известного в согдийском уже по «Старым письмам» начала IV в. н. э.) не кажется странным. Идентифицировать имя Kwts'tt до сих пор не удалось⁸, а потому сохранившаяся часть стк. 1 Б I не позволяет установить дату памятника.

В стк. 6 Б II упоминается о каком-то событии, происшедшем в год Зайца (γḡwšk sḡdu, согдийский перевод тюрк. tavīšḡan jīli). В период существования первого Тюркского каганата год Зайца (4-й год двенадцатилетнего животного цикла) приходился на 559, 571, 583, 595, 607 и 619 гг.⁹ Других хронологических указаний в сохранившихся

⁵ Или c(yns)t(n), c(yns)t(ny). По эстампажу в конце слова можно прочесть и -г, однако на фотографиях последний знак определяется скорее всего как конечное -п, у которого заключительный штрих после подъема опущен.

⁶ В Карабалгасунской надписи при pts'k употреблен глагол пр(')us- «писать»: [pt]s'k пр'γštḡw δ'ḡum m'γw «мы написали памятник» (фрагмент 1, стк. 2, см. [46, стр. 26 и прим. 1]).

⁷ Метатеза -и- (*āyuка->āyука-) могла произойти в согдийском сравнительно поздно, так что в *''uwkh Бугутской надписи не обязательно видеть историческое написание.

⁸ Как указал С. Е. Яхонтов, Kwts'tt не может рассматриваться как передача древнекитайских форм традиционных императорских храмовых имен Гаоцзу и Гаоцзун.

⁹ Утверждение китайских хроник о том, что «в начале» тюркской истории, т. е. в середине VI в., «тюрки не знали годового календаря, так что только зелень травы служила им ориентиром во времени», опровергается приведенным в тех же хрониках (под 584 г.) письмом тюркского кагана Шаболио, которое содержит точную дату: год Дракона, 9-й месяц, 10-й день [56, I, стр. 463].

частях Бугутской надписи обнаружить не удалось. Датировать текст приходится по упоминаемым именам тюркских каганов.

В Бугутской надписи не отмечено ни одного имени каганов второй династии, известных нам как из древнетюркских рунических памятников, так и из китайских источников. Из имен каганов первой династии памятники древнетюркской письменности упоминают только два — Бумын, основатель Первого каганата, и его брат Истеми (надписи в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана). Все другие имена правителей Первого каганата были известны до сих пор лишь в иноязычной передаче, которая далеко не всегда совпадает с наименованием, принятым в тюркской среде. Иноземные (в частности, китайские) информаторы испытывали значительные трудности при транскрибировании тюркских имен. Кроме того, они нередко сообщали не главное или полное имя кагана, а лишь какую-либо часть имени.

В Бугутской надписи отражена подлинная тюркская ономастика. В сохранившихся ее фрагментах упоминаются имена только четырех каганов: Нивар-каган (nw'r ɣ'ɣ'n); Мухан-каган (mwɣ'n ɣ'ɣ'n)¹⁰; Бумын-каган (βmyn ɣ'ɣ'n)¹¹; Таспар-каган (t'sp'r ɣ'ɣ'n)¹². Судя по стк. 3 Б II, где говорится о том, что «новым старшим был пожалован (его) брат Мухан-каган (...nwɣwɣy-štr 'NY mwɣ'n ɣ'ɣ'n rɣ'yt), в надписи упоминался, очевидно, Коло китайских хроник (как обычно считается, передача тюрк. Кара — «черный»), наследник Бумыня; по сообщению Бэйши, Коло «назначил главой своего брата Сегина», т. е. Мухана¹³. (В конструкции 'NY mwɣ'n ɣ'ɣ'n примечательно отсутствие элемента βy «господин», столь обычного для других упоминаний каганов в этой надписи: βy NN ɣ'ɣ'n.)

Заслуживает внимания, что имя Бумына, основателя Первого каганата, упомянуто в надписи после Нивара и Мухана (и брата Мухана). Составитель надписи хотел, по-видимому, перечислить в первой ее части каганов, наиболее близких по времени к лицу, в память которого была установлена стела, либо же он руководствовался прежде всего дидактическими целями и обращался к событиям правлений отдельных каганов лишь в качестве примеров. Нижеследующая таблица содержит сопоставления имен каганов, сохранившихся в надписи, с соответствующими формами, представленными в других источниках.

Бугутская надпись	Древнетюркские надписи	Китайские источники			Время правления
		Транскрипция по Н. Я. Бичурину	Реконструкция по Б. Карлгрену	Предполагаемая исходная форма по С. Е. Яхонтову	
Бумын-каган	Бумын-каган	Тумынь (тронное имя: Или-кэхань)	t'huo mən	tumyn	ум. 552
Брат Мухан-кагана	—	Коло (тронные имена: Исиги-кэхань, Аи-кэхань, И-кэхань)	k'huā lā	qara? xvaga?	553
Мухан (Муган)-каган	—	Кигинь (Сыгинь), Яньду; тронное имя: Мухань (Мугань)-кэхань	muk ɣān muk kān	muɣan muqan	553—572

¹⁰ Кит Мухань (*muk-ɣān)-кэхань.

¹¹ Тюрк. Bımın qaɣan, кит. Тумынь-кэхань.

¹² Кит. Тобо-кэхань. Исходная форма *t'a-rāg предложена С. Е. Яхонтовым. Б. Шпулер транскрибирует это имя в форме Тараг и без достаточных оснований считает его титулом [70, стр. 128].

¹³ См. [56, II, стр. 453 и сл.], ср. также [2, I, стр. 221, 228; 27, стр. 48, прим. 220].

Бугутская надпись	Древне-тюркские надписи	Китайские источники			Время правления
		Транскрипция по Н. Я. Бичурину	Реконструкция по Б. Карлгрену	Предполагаемая исходная форма по С. Е. Яхонтову	
Таспар-каган	—	Тобо-кэхань	t'hâ puât	tapar	572—581
Нивар-каган	—	Нйету, Шэту; тронные имена: а) Эрфу-кэхань („малый каган“ при Тобо); б) Шаболио-кэхань	ńzie b'juk ńzie b'uât	ñebuk (ñevuk) ñebar (ñevar) ¹⁴	572—581 581—587

Судя по всем известным источникам, Мухану предшествовали лишь Бумын (упомянутый и в Бугутской надписи) и Кара-каган: последний в сохранившихся фрагментах надписи прямо не назван, но фигурирует как брат Мухана (и предшественник его на престоле?). В источниках нет упоминаний о Мухане после 569 г., дата его смерти основана на указании Суй-шу о двадцатилетнем сроке его правления. Критическая проверка текста Суй-шу показывает, что упомянутые «двадцать лет» — не более, чем округление китайского хрониста¹⁵. Смерть Мухана можно относить к периоду между 569 и 572 гг.

К числу первых административных актов Таспар-кагана относится назначение сопратителей («малых каганов») на востоке и западе империи: «Тобо-хан поставил Нйету Эрфу-ханом и вверил ему управление Восточную стороною; младшего своего брата Жутань-хана поставил Були-ханом, с пребыванием в Западной стороне» [2, I, стр. 223]. Институт «малых каганов» (сопратителей или наместников) был распространен как в первом, так и во втором Тюркском каганатах; ср., например, сообщение о Мочжо (Капаган-кагане, 691—716): «Сына Фугюя поставил малым ханом...» [2, I, стр. 270].

Вновь обращаясь к содержанию надписи, можно, даже учитывая ее фрагментарность, заметить, что все упомянутые события не выходят за пределы правлений перечисленных выше каганов — все они имели место не позднее 581 г. Таким образом, устанавливается *terminus ad quem* всего памятника или, по крайней мере, надписи. *Terminus a quo* — 572 г. Наиболее вероятной датой составления надписи кажутся нам последние годы правления Таспар-кагана.

Возникновение Тюркского каганата относится к 551 г., когда предводитель тюрков Бумын из рода Ашина, разгромив армию своего сюзерена, жужанского кагана Анахуаня, принял титул или-кэ-

¹⁴ [Прим. С. Е. Яхонтова] Иероглифы 爾伏 Эрфу по Карлгрену имеют древнее чтение *ńzie b'juk*. Первый из них встречается изредка в буддийских транскрипциях, передавая слог *ñe*. Второй не относится к числу иероглифов, обычно служивших для транскрипции иностранных слов; он мог бы обозначать слог *buk* или *vik*. Мне известен один пример, где он обозначает *bhuk* (в транскрипции географического названия Tira**h**hukti). Этот иероглиф имеет также чтение *b'la*, что могло бы обозначать *bi* или *vi*.

Не исключено, что иероглиф 伏 фу появился в имени Эрфу в результате графической ошибки вместо другого знака — 拔 ба (древнее чтение *b'uât*), постоянно употреблявшегося для записи слогов *bar* и *var*. Как сообщил мне Л. Меньшиков, в дунхуанских рукописях знак 伏 регулярно пишется 拔 (с той же правой частью, что и у 拔).

Титул Эрфу-кэханя встречается в китайских источниках только в одной фразе (ср. [2, I, стр. 233]), повторяющейся во всех текстах почти без изменений. По-видимому, она везде восходит к одному источнику, так что если бы в этом источнике оказалась ошибка, она автоматически перешла бы во все позднейшие тексты.

¹⁵ См. [56, II, стр. 504].

хань (реконструируется М. Мори как *ilig qaṭaṇ [60, стр. 10], ср., однако, il qaṭaṇ у Лю Мао-юэя [56, II, таблица]). При его сыне и наследнике Коло (Кара-кагане) жужанам было нанесено еще одно поражение (553 г.), а Мухан-каган, брат Кара-кагана, довершил их разгром (555 г.). В годы правления Мухана каганат стал политическим гегемоном Центральной и Средней Азии. Были покорены киданьские племена в юго-западной Манчжурии, кыргызы на Енисее, разгромлено эфталитское государство в Средней Азии. К 571 г., после похода тюрков в Иран, граница каганата устанавливается по Аму-Дарье. В 576 г. тюркский отряд захватывает Боспор Киммерийский (Керчь). Оба северокитайских государства — Северное Ци и Северное Чжоу — стали данниками Мухана, а позднее Таспара.

К концу 60-х годов VI в. Тюркский каганат включается в систему политических и экономических отношений крупнейших государств того времени — Византии, сасанидского Ирана, Китая — и ведет борьбу за контроль на великом торговом пути, связывавшем дальневосточную ойкумену со Средиземноморьем.

Таков общий исторический фон Бугутского памятника. Источники, которыми в настоящее время располагают исследователи, содержат довольно подробные сведения о внешней политике каганата, но оставляют в тени почти все события, происходившие внутри этого государства в первые три десятилетия его существования. Поэтому как бы ни были отрывочны данные, сохранившиеся в Бугутской надписи, они не только важны для контроля и уточнения сведений, сообщаемых другими источниками, но имеют и самостоятельное информационное значение.

В надписи помимо имен каганов упоминается некий Махан-тегин — $\text{m}^{\text{h}}\text{an} \text{ t}^{\text{e}}\text{g}^{\text{in}}$. Его имя и титул сохранились целиком только один раз (Б I, стк. 3), однако это же лицо названо, по-видимому, еще несколько раз (Б II, стк. 4 — $\beta\gamma\text{u} \text{ m}^{\text{h}}\text{an} [\text{tykyn}]$; Б I, стк. 5 — $\beta\gamma\text{u} \text{ m}[\text{r}^{\text{h}}\text{an} \text{ tykyn}]$ или $\beta\gamma\text{u} \text{ m}[\text{w}^{\text{h}}\text{an} \text{ r}^{\text{h}}\text{an}] ?$; Б III, стк. 3: $\beta\gamma\text{u} \text{ m}[\text{r}^{\text{h}}\text{an} \text{ tykyn}]?$; Б III, стк. 4: $\text{m}^{\text{h}}\text{an} [\text{tykyn}]?$), в последнем случае настораживает отсутствие $\beta\gamma\text{u}$ «господин»). В Б I, стк. 3 Махан-тегин упоминает рядом с Мухан-каганом, причем в контексте, свидетельствующем о том, что составитель надписи считал деяния Махана столь же выдающимися, как и деяния самого кагана. К ним обоим должно относиться выражение «спасители всего мира» в Б I, стк. 4 ($\text{r}^{\text{h}}\text{w} \text{ 'n}^{\text{h}}\text{t}^{\text{k}} \text{ '}\beta\text{c}^{\text{h}}\text{p}^{\text{h}}\delta \text{ 's}^{\text{w}}\text{s}^{\text{w}}\text{y}^{\text{h}}\text{ntt} \text{ w}^{\text{m}}\text{t}^{\text{h}}[\text{nt}]$ «они были спасителями для всего мира») ¹⁶. Текст Б II, пестрящий лакунами, позволяет все же предположить, что Махан-тегин был ближайшим помощником не только Мухана (как следует из Б I), но и Таспар-кагана. Примечательно, что Махан-тегину, как и каганам, адресованы в надписи божественные повеления — так, очевидно, следует понимать Б II, стк. 4—5, где формулируется приказ: «Теперь ты, господин Махан-[тегин], и без такого государя позаботься о народе!» ($\text{rt} \text{ ms} \text{ 'k}^{\text{d}}\text{ry} \text{ t}^{\text{h}}\text{w} \beta\gamma\text{u} \text{ m}^{\text{h}}\text{an}(\text{n}) [\text{tykyn} \text{}] \text{ rty} \text{ 'pw} \text{ p}^{\text{h}}\text{w}^{\text{h}}\text{nc}^{\text{h}}\text{y}^{\text{d}} \text{ r}^{\text{h}}\text{s}^{\text{y}}\text{wny} \text{ n}^{\text{h}}\beta\text{c}^{\text{h}}\text{y}^{\text{h}} \text{ p}^{\text{h}}\text{r}$). Речь здесь идет, по-видимому, о событиях, имевших место после смерти Мухан-кагана. Не исключено, что Махан-тегин в течение какого-то периода был соправителем (регентом ?) Таспара и что именно так объясняется непонятное умолчание в китайских источниках о Мухан-кагане после 569 г. и Таспар-кагане (Тобо-кэхане) до 573 г. (Тобо появляется в китайских источниках под 573 г. не в связи с восшествием на престол, а в связи с его дарами северочжоускому двору). Видимо, к

¹⁶ О согд. $\text{'s}^{\text{w}}\text{s}^{\text{w}}\text{y}^{\text{h}}\text{nt}$ «спаситель», впервые засвидетельствованном в Бугутской надписи, см. ниже, стр. 141—142.

этому периоду относится упоминание в надписи года Зайца (571 г.), когда Махан-тегин предпринял какие-то действия, следуя предписанию свыше (Б II, стк. 6: sṭwn pṭwštw δ'rt rty ṭṭwšk sṭḍy «он выслушал (эти) слова и в год Зайца ...»). После краткой исторической реминисценции, с чем связано, очевидно, упоминание в надписи имени Бумын-кагана, составитель ее переходит к событиям правления Таспар-кагана. Очень плохая сохранность не позволяет восстановить контекст, однако можно заключить, что, помимо сообщений о религиозных деяниях Таспара (о них см. ниже) и его опасениях о будущем государства (Б II, стк. 11—12), и в этой части надписи говорилось либо о соправителях, либо о кагане и его ближайшем помощнике (ср. Б II, стк. 15: c'n'w δw' ṭṣuwnk «...как два государя», стк. 16: ...šyṭ'k βṭṭpḍ m't'nt «...они были очень знающими», стк. 19: ...δw' šyṭ'w'ztw m'[t'nt] «... они были друзьями»). Учитывая корреляции между содержанием Б I и Б II, правомерно предположить, что ближайшим помощником или соправителем Таспара был тот же Махан-тегин и что именно в его честь был сооружен Бугутский погребальный комплекс и установлена стела.

Фрагменты надписи содержат весьма интересный материал для суждений о социальной структуре первого Тюркского каганата, прежде всего о иерархической стратификации общества: каган, его сородичи¹⁷, шадапыты, тарх(в)аны, куркапыны (ṭwṭṭ'p'up — термин, впервые засвидетельствованный в надписи и соответствующий, возможно, титулу bāg рунических памятников), тудуны, конные воины, народ в целом. Как и в орхонских памятниках, основные prerогативы и функции кагана в Бугутской надписи — это посредство между божествами и народом (Б II, стк. 1: ... k'w βṭw s'r pwrsty «... он спрашивает у богов»; стк. 7: ... k'w βṭyšt s'r pwrst «... он спросил у богов») и забота («кормление», согд. p'r-) о народе.

Само общение с божествами (функция царя-первосвященника) занимает в религиозной концепции надписи гораздо более значительное место, чем в позднейших орхонских надписях.

Религиозная жизнь тюрков, в течение двух десятилетий превративших свой племенной союз в мощную державу, к началу 70-х годов VI в. очень усложнилась. Наряду с традиционными культурами неба и земли, культом предков и шаманством, в этот период сказалось сильное воздействие великих азиатских религий, прежде всего маздеизма и буддизма. Еще многое предстоит исследовать, чтобы в полной мере выяснить значение, которое имели для маздеистской и буддийской миссий у тюрков экономические и политические мотивы. Несомненно, однако, что уже с самого начала существования Первого каганата его правители хорошо понимали роль не только военных, но и идеологических факторов в управлении обширной империей. В буддизме, приемлемом как для среднеазиатской, так и для дальневосточной сферы их влияния, правители каганата видели ту универсальную форму религии, которая могла помочь созданию некой идеологической общности в очень разнородной по своему составу державе. Лишь социально-политический кризис каганата, начавшийся в 581 г., и последовавший затем распад державы приостановили этот процесс.

Буддизм получил распространение в тюркской среде еще в позднегуннских государствах Восточного Туркестана (IV—V вв.), с которыми генетически и исторически связано племя ашина. Первые шаги для официального внедрения буддизма в религиозную практику тюр-

¹⁷ Согд. wkwrṭ, об этом и других терминах надписи см. ниже, стр. 143.

ков были сделаны Мухан-каганом. Однако лишь Таспар придал буддийской миссии размах, который мог обеспечить сторонникам этой религии культурный и политический приоритет в каганской ставке. Бугутская надпись сообщает о важнейшем этапе распространения буддизма у тюрков — создании буддийской сангхи (Б II, стк. 10: RBkw pwh snk' 'wst «учреди великую новую сангху») в центре каганата — событии, о котором известно и из китайских источников. Судя по сохранившимся фрагментам надписи, в ней рассказывалось либо о деянии самого Таспара, совершенном согласно божественному приказу, либо об учреждении сангхи Махан-тегином по повелению Таспара (см. БII, стк. 9—10).

Официальное принятие буддизма Таспаром последовало сразу же после начала гонений этой религии в Северочжоуском государстве при императоре У-ди (574 г.). Покинувший страну знаменитый миссионер индийский монах Чинагупта вместе со своими спутниками в течение десяти лет (574—584) оставался у тюрков и успешно проповедовал буддизм в каганской ставке. В этот период были переведены на тюркский язык и записаны для Таспара некоторые сутры (А. фон Габэн справедливо предположила, что только согдийцы могли воплотить в письме этот перевод [см. 39, стр. 196]), были воздвигнуты буддийские храмы и монастыри, где сам Таспар принимал участие в обрядах.

По-видимому, о поощрении буддизма рассказывалось и в заключительной части надписи (Б III). Здесь удастся прочесть очень немного, однако вряд ли можно сомневаться в том, что под «благодеяниями» (šyr'k krtk), о которых говорится по крайней мере дважды в стк. 1 и 2 Б III, нужно понимать меры, содействующие распространению буддизма. В стк. 4 Б III говорится еще об одном лице, как-то связанном, видимо, с Махан-тегином. Имя его сохранилось неполностью — (.) wk' trw'p (первая буква имени разрушена, читать (p)wk' — Бука-тарх (в) ан?), не удастся восстановить и стк. 5, последнюю (?) строку Б III и тем самым конец всей надписи — загадочный текст на Б IV, как отмечалось выше, начертан несомненно другой рукой.

Согдиец, составитель Бугутской надписи, сам, вероятно, не был буддистом — об этом как будто свидетельствует употребление им такого зороастрийского термина как 'swšwy'nt (авестийское saōšyant-) «спаситель». В «боге» и «богах», к которым обращаются за наставлениями каганы, можно скорее всего видеть тюркские божества неба и земли, известные нам по орхонским памятникам, но названные так, как это было привычно согдийцу-зороастрийцу или, по меньшей мере, маздеисту (βγ-, множ. число βγυšt). Нет, видимо, достаточных оснований, чтобы считать, что, употребляя в надписи оборот k'w βγw s'g pwrsty «он спрашивает у бога», составитель имел в виду верховного бога согдийцев — Ахурамазду¹⁸. Но в равной мере нельзя заключать,

¹⁸ Еще меньше, конечно, оснований полагать, что под βγ- здесь надо понимать божество Vaγ («бог Бага»), соответствующее Bhaga Ригведы. Бог Vaγ, по мнению В. Б. Хеннинга, выступает в согдийском брачном контракте с горы Муг и в согдийском слове со значением «свадьба», см. [52, стр. 249 и сл.]. Согдийцы могли обозначать посредством βγ- разных богов, подобно тому как это делали персы во времена Ахеменидов, называя Ахурамазду «великим богом» (baga vazrka), «величайшим (из) богов» (mabīšta bagānām), а остальных богов — просто бага- (ср. в древнеперсидских надписях: «Ахурамазда и другие боги, которые есть», «Ахурамазда со всеми богами», «Ахурамазда с богами (царского) рода», «да защитит меня Ахурамазда и бог Митра»; в Младшей Авесте ba'ra- прилагается к Ахурамазде, к Митре и к божеству Луны). Для монотеистов, таких, как христианские миссионеры, согдийское βγ- стало обозначением единого «Бога», однако для согдийцев, исповедовавших маздеизм (так удобнее всего именовать религию собственно Согда и соседних горных районов Уструшаны — в этой

что βγ- в этом обороте Бугутской надписи обязательно означает «небесный» или «божество неба», соответствуя тюркскому tāŋŋi («небо; божество, божественный»). Семантические поля этих слов совпадают не полностью, что не в последнюю очередь связано с различиями в космогонических и религиозных представлениях согдийцев и тюрков (представление о небе и земле, как созданиях Ахурамазды у первых, от века существующие Небо и Земля — у вторых). Если можно говорить о религиозном синкретизме Бугутской надписи, то прежде всего в плане терминологии — здесь отразились и буддизм (snk'), и маздеизм ('swšwy'nt), и тюркские культы божеств неба и земли, но преломленные через восприятие маздеиста (βγ-, βγyšt).

Совершенно иное значение имеет βγ- в обороте именованія βγy — NN — γ'γ'п (или tykup), весьма частом в Бугутской надписи. Здесь βγy — «господин», как это обычно в согдийских текстах разных категорий, в том числе и в протокольных формулах. Нет, конечно, оснований переводить здесь βγy как «небесный»; равным образом и в тексте Карабалгасунской надписи βγy 'wuywŋ γ'γ'п означает не «der himmlische Uiguren-Qaŋan» (как переводил О. Хансен, см. [46, стр. 15 и др.]), а «господин уйгурский каган». Точно так же и βγy m'gm'ny dnyh в Карабалгасунской надписи значит лишь «религия господина Мар-Мани» (а не «des göttlichen Mär-Māni Lehre»), βγy 'γšywny — «господин правитель» и т. п. (ср. также на легендах тюркешских монет: βγy twrkyš γ'γ'п pny «монета господина тюркешского кагана»). Среднеиранское *bag было заимствовано в древнетюркский в форме bāg; это слово имеет значения «господин, правитель, государь», но не «божественный» или «небесный»¹⁹.

религии зороастризм переплетался с весьма древними, еще общеарийской поры, верованиями), βγ- был одним из многих богов. Это хорошо знали и соседи — посол, прибывший в конце VII или начале VIII в. в Самарканд, ко двору согдийского царя, считал своим долгом сообщить, что он «хорошо осведомлен о самаркандских богах» — sm'gkpdс βγyšt (надпись из Афрасиаба). Можно полагать, что в согдийском брачном контракте под βγ- скрывается верховный бог — Ахурамазда. «Раскрытое» имя последнего в согдийских памятниках встречается довольно редко (в манихейских текстах, где хwtmzt'βγy выступает как бог Ахурамазда и как обозначение первоцеловека; в составе имен собственных — хwtmztkk в «Старых письмах»; в календаре — название 1-го дня месяца, 5-го дня недели, также наименование планеты), чаще, как представляется, согдийцы, как и многие другие народы, предпочитали не произносить (и не писать) имя верховного божества и скрывать его под словом βγ-. Такое заключение вытекает из анализа употребления βγ- в нескольких мугских письмах, где этим словом обозначено верховное божество (письма А-17, В-15 и особенно I.1, в котором согдийский писец, переводивший арабский текст, в качестве эквивалента арабской бисмиллы употребил выражение rgn'm βγy d'mb'nk «во имя Бога, творца», ср. среднеперсидский зачин rad pām i dādār Ohrmizd «во имя Ормузда, творца», а для арабского al-ḥamdu lillāh тот же писец выбрал согдийское 'sp's ZKп βγy «хвала Богу», см. [18, стр. 110—112, 162—163, 169]). В мугском брачном контракте (документ Nov. 4, Recto, стк. 10—11) выражение ZKп βγy ZY ZKп пудŋ' nβ'nty также можно понимать как «в присутствии Бога. (= Ахурамазды) и Митры» (т. е. «клянусь Ахурамаздой и Митрой»).

¹⁹ Утверждение О. Хансена (ср. [46, стр. 25, прим. 1, 26]), повторенное в ряде работ О. И. Смирновой, о том, что согд. βγ- является точным эквивалентом тюрк. tāŋŋi основано прежде всего на соответствиях типа: тюрк. tāŋŋi uyur qaŋan — согд. βγy 'wuy wŋ γ'γ'п; тюрк. tāw rida qut bulmiš — согд. MN βγyštŋ rgnβrty («получивший харизму от богов»). В действительности же тождества tāŋŋi=βγ-нет: в Карабалгасунской надписи эпитет «небесный» выступает только в протокольных тюркских формулах, причем показательно, что в согдийской версии этой надписи тюркское tāw rida попросту транслитерируется (tnkγud'), а отнюдь не переводится.

Отметим попутно, что до сих пор нельзя считать выясненным, из какого среднеиранского языка было заимствовано в древнетюркский слово bāg (из согдийского или из парфянского через посредство среднеперсидского?). Не установлен точно и источник заимствования древнетюркского титула baŋa.

Следует отметить еще одну особенность Бугутской стелы. В отличие от каганских эпитафий VIII—IX вв. на ней нет тюркской надписи, выполненной руническим или каким-либо иным письмом. Оставляя в стороне как проблему происхождения рунического алфавита, так и вопрос об официальном языке и письменности каганской канцелярии и тюркской историографии в период, предшествующий возникновению Второго тюркского каганата, можно предположить, что в сложении тюркской литературной и исторической традиции, зафиксированной руникой начала VIII в. уже в весьма совершенных по языку и стилю образцах, сыграла роль не только несомненно существовавшая в тюркской среде школа племенных рапсодов — хранителей и создателей эпических повествований о былых и здравствующих героях, но и созданная согдийцами эпитафийная камнеписная «литература». К сожалению, Бугутская надпись является единственным в своем роде памятником согдийской письменности — других согдийских эпитафий до сих пор не открыто ни на территории самого Согда, ни в областях, где согдийский язык был языком торговли, письменности и культуры. Приходится поэтому ограничиться сравнением Бугутской надписи с тюркскими руническими эпитафиями. Детальное сопоставление их содержания и стиля должно явиться, несомненно, предметом специального исследования. Здесь отметим лишь, что композиция и стиль Бугутской надписи, поскольку об этом позволяет судить сохранившаяся ее часть, во многом сходны с руническими памятниками Второго каганата (особенно с надписями в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана). Это, прежде всего, переплетение историко-биографических элементов с дидактическими. Нельзя не отметить в то же время и черт различия, в том числе такую существенную, как повествование от 3-го лица (авторская речь). Прямое обращение от 1-го лица, столь характерное для рунических эпитафий, в Бугутской надписи выступает, по-видимому, лишь в божественных наставлениях каганам.

IV

Изложенные выше соображения о возможном отнесении надписи к последней четверти VI в. следует проверить палеографическими данными. К сожалению, детальное сравнение провести трудно, поскольку известных в настоящее время ранних согдийских памятников очень немного. Курсивное письмо, которым начертана надпись, несомненно моложе дукта «Старых писем» (начало IV в., согласно дате, предложенной В. Б. Хеннингом). Все другие тексты, написанные согдийским курсивом, моложе Бугутской надписи (согдийско-буддийские рукописи VII и последующих столетий; деловые документы — с горы Муг первой четверти VIII в. и немногие другие, еще более поздние; краткие, как правило, надписи на фрагментах керамики, костяных и каменных изделиях, найденные главным образом при раскопках древнего Пенджикента и относящиеся, за исключением единичных находок, к VII — началу VIII в.; надписи из Афрасиаба конца VII или начала VIII в.; документы на дереве конца VII — начала VIII в. из замка Чильхуджра в северной Уструшане; надпись на камне из Ладакха 841/2 г.; Карабалгасунская надпись начала IX в.; надписи, обнаруженные в Киргизии и относящиеся к IX—X вв., и некоторые другие памятники). Наиболее близки по типу письма к Бугутской надписи легенды так называемых «бухархудатских» монет (основной вариант легенды на них установлен, вероятно, уже в V в. н. э.) и особенно согдийские надчеканы на сасанидских драхмах Пероза и других сасанид-

ских правителей V—VI вв. и на подражаниях этим драхам²⁰. Есть основания полагать, что эти надчеканы относятся к VI в. и связаны с тюркским проникновением в районы, пограничные с сасанидским Ираном, прежде всего на территорию Тохаристана (об этом свидетельствует наличие таких титулов в надчеканах, как, например, ṭṭ'ṭ'p «каган», tkup «тегин» и др., см. [12, стр. 173—174]). Подобно Бугутской надписи, эти надчеканы отражают, таким образом, период, когда тюркские правители пользовались в качестве официальных согдийским языком и письменностью. Такая практика была обычной, очевидно, в VI — начале VII в., но следы ее сохранились и позже (согдийские по языку и письму надписи на монетах тюркешских каганов и некоторых других монетах тюркских правителей; согдийские наскальные надписи из Киргизии, сделанные по приказу тюркских караханидских вельмож, и некоторые другие памятники). Однако согдийские надписи в надчеканах очень кратки, не все буквы и не во всех позициях в них представлены, так что можно говорить лишь об общем внешнем сходстве их шрифта с курсивом Бугутской надписи, а не о более важных в данном случае особенностях в деталях начертаний отдельных букв и их позиционных графических вариантах. Приходится поэтому обращаться к более поздним согдийским памятникам. Учитывая местоположение Бугутской надписи, следует, очевидно, при попытках палеографического ее анализа и датировки сопоставить ее прежде всего с Карабалгасунской надписью — первой согдийской надписью, открытой на территории Монголии еще в 1889 г. Н. М. Ядринцевым. Эта надпись содержала, помимо согдийской, также китайскую и древнетюркскую (руническую) версии. Согдийская версия Карабалгасунской надписи сохранилась только частично. Ее чтение и толкование во многом связаны с интерпретацией китайской версии, менее всего пострадавшей (о ней см. [4; 28; 34; 57, стр. 172—200; 65; 29, ч. II, стр. 177—199; 46, стр. 6—8]); руническая версия уничтожена почти целиком. Транслитерация и перевод сохранившихся фрагментов согдийской версии Карабалгасунской надписи изданы в 1930 г. О. Хансеном [46; ср. 61; фотографии фрагментов: 47, табл. 57—61; 14, табл. XXXII—XXXIII и XXXIV, 3]. Толкование некоторых слов этого текста было исправлено в работах Э. Бенвениста, В. Б. Хеннинга и И. Гершевича, однако состояние надписи таково, что связный перевод согдийской версии невозможен²¹.

Карабалгасунская надпись датируется достаточно точно — она была составлена вскоре после 821 г. [29, ч. II]. Сравнение ее с Бугутской надписью показывает, что последняя должна быть по палеографическим особенностям отнесена к более раннему времени. Обе надписи начертаны по вертикали. Такое направление письма, существовавшее параллельно с горизонтальным, применялось согдийцами, по видимому, уже в VI в. Оно представлено, помимо двух надписей из Монголии, краткой надписи из Ладакха (Тибет), имеющей дату — 210-й год (эры Иездигерда) = 841/2 г. [62, табл. III; 25, стр. 502—505,

²⁰ Первые подробные сведения о монетах с такими надчеканами см. [12, стр. 173—174]. Публикацию двух экземпляров из собрания Музея истории Узбекской ССР в г. Ташкенте см. [16, стр. 39—40]. Прорисовки надчеканов и фотографии монет, хранящихся в некоторых зарубежных коллекциях, см. [45, II, стр. 142, 152 и др.; IV, табл. 12]. Подробное исследование (с учетом еще не опубликованных экземпляров) подготавливается одним из авторов настоящей статьи.

²¹ Ср. характеристику В. Б. Хеннинга [50, стр. 56]: «Печальный пример применения [согдийского] курсива для монументальных целей представляет согдийская версия трехязычной надписи из Карабалгасуна, в большей части не поддающаяся чтению».

табл. III—IV; 50, стр. 54]²², надписей, сопровождающих настенные росписи Афраснаба²³ и Пенджикента²⁴ и относящихся к концу VII — началу VIII в., также и в согдийско-буддийских рукописных текстах.

Рукописи согдийских переводов буддийских текстов дошли до нас в основном от VIII — X вв., однако можно считать установленным, что тип письма, характерный для лучших из этих рукописей (согдийское «письмо сутр» — термин, предложенный В. Б. Хеннингом, см. [50, стр. 55]), сформировался около 500 г. н. э. и продолжал применяться согдийскими каллиграфами в буддийских общинах Восточного Туркестана в течение нескольких столетий. Для «письма сутр» характерен ряд графических и орфографических особенностей, в частности формы некоторых букв в позиции конца слова — резкий подъем заключительной части букв -п, -с, -к, и -т, причем у -к и -т в результате подъема завершающая линия образует острый угол с туловом знака. Такой тип начертаний -п, -с, -к, -т известен по рукописям согдийских переводов буддийских сочинений, прежде всего по манускриптам из коллекции Пеллио, происходящей из знаменитой «Пещеры тысячи будд» в Дуньхуане [ср. 41, стр. 3—4]. Большинство этих рукописей переписано скорее всего в IX—X вв., однако их переписчики следовали более старым образцам согдийской каллиграфии — «письму сутр». Судя по факсимильным воспроизведениям текстов из коллекции Пеллио [32], начертания конечных -п, -с, -к, -т с подъемом заключительной части букв характерны более всего для лучших образцов согдийско-буддийской каллиграфии — рукописей Р 1 («Вессантара-джатака»), 2, 3, 4 («Сутра причин и следствий»), 5, 6, 7, 9, 10, 17, 19, 20, 22, 23²⁵.

Сходные начертания конечных -п, -с, -т, -к характерны также для некоторых манихейских и христианских согдийских рукописных текстов, написанных собственно согдийским письмом, — об этом можно

²² Чтение надписи из Ладакха, впервые изданной Ф. Мюллером [62], было значительно улучшено в работах Э. Бенвениста [25, стр. 502—505] и В. Б. Хеннинга [50, стр. 54 и прим. 2]. В стк. 2 этой надписи следует, по-видимому, читать рг'уут — описка вместо рг'утут «я прибыл»; в стк. 5 первое слово — бntk «раб, слуга», здесь как обозначение христианина (рядом с надписью на камне вырезано изображение креста; ср. bntyt 't d'yt «(dienende) Bruder und (dienende) Schwester» в согдийско-христианских текстах [64, стр. 525]). Надпись гласит:

1 srb pr 'dw C 'ds 2 rg'ut 3 cuntr' 4 sm' rknbc 5 bntk nwš prn' 6 'ys't 7 'z'nt kw 8 twp'uyt 9 'r'yn s'r «Год 210. Я прибыл изнутри (т. е. из Восточного Туркестана). Самаркандец раб (божий) Ношфарн пойдет к кагану Тибета».

Надпись принадлежит самому Ношфарну — в стк. 2 он отметил прибытие в район Ладакха («я прибыл»), в стк. 4—9 (вторая часть надписи) говорит о себе в 3-м лице.

Даты по эре Иездигерда представлены и в нескольких поздних согдийских надписях (на скалах и камнях; все эти надписи начертаны по вертикали), обнаруженных на территории Киргизской ССР. См., например, надпись из Терек-сая, фотография которой опубликована Ч. Джумагуловым [20, стр. 41]: 1 'kw'z'n (?) 'dw C₂ XX XX XX X III II srb ZY (?) rпспук 3 'ys kw'rw' (?) 'rw'w, kw' tk'un 'rp tr'yn «...275 (=906/7) год, пятый (месяц). Прибыл (сюда) счастливый (?) государь Кюль-тегин Алп-тархан». Первое слово надписи, встречающееся и в начале других согдийских надписей из Киргизии, не может быть понято как «осенью» ('kw 'z'n). Э. Т. Тенишев пытался читать надпись из Терек-сая как уйгурскую, но не распознал в ней тюркские имена, см. [19].

²³ Надписям посвящена статья В. А. Лившица «Столица Согда встречает послов» (рукопись).

²⁴ На росписях Пенджикента отмечено несколько согдийских надписей, все плохой сохранности. Наибольшая по объему надпись такого рода (12 строк) открыта в 1965 г., издание ее подготавливается.

²⁵ В рукописи Р 8 отмечается чередование двух форм конечных -п, -с, -к, -т — с подъемом и без подъема; то же в рукописях Р 8 bis, 11, 14, 15 (два начертания -к). В поздней рукописи Р 16 начертания с подъемом засвидетельствованы только для -к. В рукописях Р 12, 13 (отрывок согдийского извода сказания о Рустеме — по-видимому, перевод со среднеперсидского), 21, 24, 25 (фрагмент манихейского текста), 26 начертания с подъемом отсутствуют.

судить по немногим имеющимся факсимильным воспроизведениям этих рукописей (см., например, [63, табл. I—II; 72, табл. II; 53, стр. 483, табл. II]). В согдийском курсиве деловых документов форм с подъемом уже не было по крайней мере в конце VII — начале VIII в. — об этом свидетельствуют документы из замка на горе Муг [7], а также надписи на фрагментах керамики и на росписях из Пенджикента и Афрасиаба; нет таких начертаний и в более поздних согдийских памятниках делового курсива — в надписи из Ладакха, в двух поздних (IX в.) согдийских документах, обнаруженных в Восточном Туркестане [см. 69, табл. IX, док. X и XI], в согдийских надписях из Киргизии (IX—X вв.), часть которых до сих пор ошибочно определялась как уйгурские. Нет форм с подъемом и в Карабалгасунской надписи.

В Бугутской надписи конечные -п, -t, -k, -с имеют заметный подъем в заключительной части знаков²⁶. Таким образом, по этому признаку надпись должна быть отнесена по крайней мере ко времени раннее конца VII — начала VIII в.; она примыкает к памятникам, написанным «письмом сутр». Следует учитывать, что «письмо сутр», известное по согдийско-буддийским рукописям, не только отражает школу каллиграфии буддийских писцов, но и демонстрирует основные особенности согдийских пошибов VI — первой половины VII в. Эти особенности выдерживались, естественно, наиболее последовательно при переписке религиозных памятников, но они были присущи и другим текстам, в том числе, вероятно, и деловым документам, а также монументальным памятникам, к числу которых относится Бугутский²⁷.

О сравнительно ранней дате Бугутской надписи свидетельствует и употребление в ней арамейской идеограммы 'HRZY (для согдийского rty). Эта идеограмма, широко применявшаяся в «Старых письмах», а также в некоторых согдийско-буддийских рукописях, начертанных «письмом сутр»²⁸, отсутствует в памятниках, написанных позднейшим курсивом; ее нет, в частности, в документах с горы Муг, она не представлена и в дошедших до нас фрагментах Карабалгасунской надписи.

Заслуживают внимания некоторые орфографические особенности Бугутской надписи, отличающие ее от всех известных до сих пор согдийских памятников. Так, впервые в надписи засвидетельствовано написание с -w- для основы Pгаes. глагола pwrс- «спрашивать» (Б II, стк. 1, 7). Такое написание должно рассматриваться как более архаичное сравнительно с согд.-будд. 'prс-, prс- и маних. 'ps-, ps -, отра-

²⁶ Для -с в сохранившихся частях надписи имеется только один пример (trwks, Б I, стк. 2; чтение trwk' кажется менее вероятным).

²⁷ Заслуживает внимания, что на бронзовых монетах самаркандского царя Урка Вартрамука ('wrk wrtrm'wk), правившего во второй половине VII в., сохраняется начертание конечного -k с подъемом. Ср. чтения надписи на этих монетах, предлагавшиеся О. И. Смирновой [15, стр. 87]: prtrm'wk'; 'wkk (?) wrtrm'wk'; 'wkk(?) wrt cm'wk'. В первой четверти VIII в. этот правитель, вопреки мнению О. И. Смирновой, не мог занимать самаркандский престол — для периода от 700 г. и далее, по крайней мере до 750 г., последовательность правлений царей Самарканда (Тархун — Гурек — Тургар) нам известна достаточно точно по арабским и китайским источникам. Отметим попутно, что Нинье-шышы, упоминаемый в китайских хрониках, никак не может быть отождествлен с согдийским именем Мастан-Навйан на монетах (все чтения и этого имени, выдвигавшиеся до сих пор, более чем сомнительны), как это предлагает О. И. Смирнова [15, стр. 29]. Нинье-шышы является достаточно прозрачной передачей согдийского Нанай-ширч (Nпушугс) — имени, которое легко этимологизируется и означает буквально «дружественный к (богине) Нане».

²⁸ Э. Бенвенист в глоссарии к изданию согдийских рукописей коллекции Пеллио для 'HR (ZY) дает помету passim [71, стр. 242], однако эта идеограмма встречается только в текстах P 1, 2, 4, 9.

жающими произношением əps-, ps- [44, § 145]; в «Старых письмах» основа Praes. этого глагола не засвидетельствована. Архаичным является и написание наречия 'wskw'p'r (Б I, стк. 2), восходящего к древнеиран.*uska-paga-, ср. согд.-христ. skur'p, а также формы, приведенные в [44, § 99, 1215]²⁹.

Бугутская надпись примечательна и своей лексикой. Помимо древнетюркских (и монгольских?) терминов, среди которых представлены ранее не засвидетельствованные ни в согдийских, ни в тюркских памятниках (γwγ'p'уп, Б II, стк. 2, 12) и неизвестные прежде орфографические варианты (trγw'n, Б II, стк. 2; Б III, стк. 4), в надписи впервые отмечен и ряд собственно согдийских слов — глаголов (см. ниже о pγ'yt) и имен, в том числе 'swšwy'nt «спаситель», известный до сих пор лишь из Авесты (saošyant-) и среднеперсидских текстов (в последних как «ученое слово» — sōšāns, ср. sōšāns i sūdōmand).

Приводимая ниже транслитерация фрагментов надписи является первой попыткой ее чтения, которую во многом следует считать не более чем предварительной.

V

Текст фрагментов

Б I:

¹ [7—8 букв](...) uwkh 'wst't δ'r'nt tr-'wkt c(yнс?)t(n) kwts'tt 'γšy-wn'k

«...стелу (?) установили тюрки (при) государе Китая (?) Kwts'tt»

² [12—14 букв] (δ'r'nt?) [...] ...wn trwkc βγy (nw-)'r³⁰ γ'γ'n 'wsk-wp'r ckn'cw mγ' (w) [n]³¹

«... они(?)..., тюркский господин Н. вар-каган в дальнейшем („далее оттуда“) весь(?)»

³ [2—3 буквы] (rt?) [10—11 букв]t w(t..) w'(r?)t 'HRYZ nwk(r 'YK³² βγy mwγ'n γ'γ'n 'PZY βγy mγ'n t(y)k(y)n

«... он вступил (?). И вот затем, когда господин Мухан-каган и господин Махан-тегин»

⁴ [3—4 буквы] (nwkr? [6—8 букв] r(ty) k'w 'wrt(s'r) p(rm) prw 'nγ't k'βc'npδ 'swšwy-'ntt wm'(t) [nt]

«... и (с тех пор и) впредь они были спасителями для всего мира»

⁵ [3—4 буквы](t) [18—20 букв](....t 'HRYZ n)wkr cy-w'nt py-štrw βγy m[]

«... и вот затем, после этого, господин М»

Б II:

¹ [10—12 букв](.ypr) [8—9 букв] (.t.) [8—10 букв](.t?) k'w βγw s'r pwr-sty rty nw(kr pt?) [3—4 буквы]

«..... он спрашивает у бога. И вот.....»

² [10—12 букв](...k) [8—10 букв](βγt...)[8—10 букв](.r?)k š'δpyt tr-γw'nt γwr-γ'p('y)-nt tw-δwnt (γ'n?) [3—4 буквы]

«..... шадапыт(ы), тархваны, курқапыны, тудуны....»

³ [12—14 букв] (βγy?)[4—6 букв] (puštrw?) [.....] (wt..) nwy γwy-štr 'HY mwγ'n γ'γ'n pr'yt rt(y))

²⁹ Отметим попутно, что ягнобское sitám «задняя часть, тыльная часть» (ср. производные sitamakó «навзничь», sitámik «задний, последний, последующий» и форму Obl. Sg. sitáme, выступающую в качестве наречия «сади, позади») может рассматриваться как продолжение др.-ир. *ustama-, авест. ustəma «самый верхний; позднейший».

³⁰ (zw)'r, (ny)'r, (zy)'r?

³¹ mγ'(n)?

³² {Z}K?

«.... господин(?)затем..... (в качестве) нового старшего (его ч брат Мухан-каган был пожалован. И»

⁴ [8—10 букв] (βγυ? ... γ'γ'n?) [4—5 букв] k(m)pw (...t δ'rt?) [...](k) [n'β](cy)h šy-r'k p'rtw δ'rt rt ms 'kδry tγw βγy mγ'(n) [tykyn]

«.... господин(?)каган(?), он мало (?),..., он хорошо вскормил [на]род. И также теперь ты, господин Махан-[тегин?],»

⁵ [14—16 букв] (tw δ'rt rty?t...) [6—8 букв] rty 'pw 'nγwпсу-δ γšy'-пу n'β(cy)-h p'r rty nw(k) [r ...]

«.....они И вскорми народ без такого государя. И вот.....»

⁶ [18—20 букв](..)[6—7 букв](t)[...] (pγ'yt?) [6—8 букв] (sγ)wn pγwštw δ'rt rty γr-(γwš)k sγδy (s/t'c?)w(пt.)[...]

«.... он был пожалован (?) Он внял (этим) словам и в год Зайца.....»

⁷ [10—12 букв](tw δ)['rt(?) rty] (sγδ)[y?....] k'w βγy-št s'r pwrst rty py-štrw š'δpyt trγw[nt]

«.... он....., (и) в год..... Он спросил у богов. И затем шадapyт(ы), тархв[аны]»

⁸ [14—16 букв](t k...)[12—14 букв](?)δtw δ'rt rty nwkr βγy βmyn γ'γ'n p'δy (w'š?)t

«..... он..... И тогда господин Бумын-каган вступил (на престол?)»

⁹ ³³ (. pγm't?) δ'rt (kt? ...) βγy t'sp'r γ'γ'n wsn RBk[...]

«.... приказал(?), чтобы господин Таспар-каган ради великого....»

¹⁰ ('mw?) pγm'n (pγm'y-t ZY?) RBkw nwh snk' 'wst rty 'YK пw(kr?)

«.... он отдает приказ: „Учреди великую новою сангхыл“. И вот когда»

¹¹ (...) rty βγy t('sp'r) γ'γ'n tr(γ)t 'cw пpyšnt cw kγnw('пcy'k?)[h]

«.... и господин Таспар-каган был опечален — (есть ли) кто-нибудь (из) внуков, кто (имел бы) способность»

¹² [(...) cw γwγr('p'y)-nt '(PZY)³⁴ wkwrt cw n'βcy'kh ('st't)

«.... есть ли кто-либо (из) куркапынов, родичей. (из всего) народа»

¹³ [(...) β'r'k 'sp'δy'n (wγ'yt?) '(y)t³⁵ мyδ ('nβγt?) δ'r'nt

«.... (и) конный воин разделили добычу (?) (в) тот день»

¹⁴ [(pγwš) tw δ'rt ('HRZ¹Y cy-w'nt) pyštr-w (...)

«.... он (этим) словам) внял и после этого ...»

¹⁵ [(...t δ'r?)t rty c'n'w δw' γšy-wnk

«он... И как два государя»

¹⁶ [(... šyγ'k) βrtpδ m't'nt r(t)y

«.... они были очень знающими. И»

¹⁷ [(... n'βcy'kh?) p'(r?)'n) sp'δy-'(n) (..)

«..... народ вскормил!»..... воин ...»

¹⁸ [ptškw't δ'rt (.....) []

«..... он обратился»

¹⁹ [(...) δw' šyγ (γw'z)tw m'[t'nt]

«..... оба они были друзьями»

Б III (рис. 11):

¹ ³⁶ (.)[8—9 букв](.k? šy)r'k krt(k) ['krtw?] (δ)'rt rt[y]

«..... он совершил [много] благих дел. И»

² [(.)[9—10 букв] (wγ)δ³⁷ šyγ'k (šy)r'k krt(k) ''βry-(n)['nt?]

«.... там очень (или „много“) благие дела они восхваляли (?)...»

³³ В стк. 9 и всех последующих строках Б II в отломанной части содержалось около 40—45 букв.

³⁴ c(wZY)?

³⁵ '(β)t?

³⁶ В стк. 1—4 Б III сохранилось лишь менее половины текста, стк. 5 уничтожена почти полностью.

³⁷ (tr)δ?

•] (...t ..kr 'cw?) [n'β] (c)yh mrt (γm)'k 'st't 'HRZ-Y (βγy m?) []
 «..... есть ли какой-либо человек (в) народе, (кто смог бы.....)? Затем
 господин М.....»

•] ('HRZ-Y? β..) [3—4 буквы](š/γ)t (nws)³⁸ (.) wk' tr'w'n 'Y-K (m)γ(')[n
 tyкуп(?)]

«..... затем..... [Бука-тархван³⁹, когда Маха[н-тегин?]

•] [Слабые следы разрушенных букв]

Комментарий. Б I, стк. 1. — tr'wkt — «тюрки». Наиболее вероятным кажется толковать это слово как согдийскую форму Pl. от tr'wk «тюрк». Сказуемое, выраженное формой Pl. (t'wst't d'γ'nt), не является решающим доказательством правильности такого толкования, поскольку в согдийском некоторые категории существительных (прежде всего, имена собирательные) в форме Sg. могут сопровождаться глаголом в Pl. Однако вряд ли есть достаточные основания видеть в tr'wkt имя собирательное, соответствующее реконструируемому этнониму *türküt⁴⁰. Насколько известно, до сих пор в согдийских текстах türk было засвидетельствовано только в производном прилагательном twrkc'ny «тюрский» (Карабалгасунская надпись), образованном посредством суффикса -c'ny (-čāne) от twrk [46, стр. 26; ср. 44, § 1023]. В Бугутской надписи написание tr'wk отражает, очевидно, произношение *truk (ср. twrkc «тюрский», Б I, стк. 2). Метатеза -u- весьма обычна для согдийского; она может объясняться либо «u-умлаутом» (регрессивная метатеза, например: wūd- «жена» из waū-), либо интрузией (прогрессивная метатеза, например: d'γud- «дочь», s'γud «Согд» из *d'γūd < d'ūγud < d'ūγd-; *s'γūd < s'ūγud < s'ūγd), см. [48, стр. 548—549; 44, § 406—428]. В согдийских текстах засвидетельствована метатеза -u- в различном консонантном окружении, в том числе и в позициях после -r-, причем как регрессивная (например, xwγm = xurm «почва, земля» из xrwγm = xrum; βwrdm = furdm «произрастание» из *frum < *fra-γūma-), так и прогрессивная (xrwγmz't = xrumazd из xwγmz't = xurmazd < ahura-mazdān-, ср. уйг. xurmuzta, xormuzta, см. [44, § 415, 424]). Согд. tr'wk = truk в качестве вариантной формы к turk (ср. twrkc'ny) является столь же обычной, как, к примеру, s'γwδ = s'γud «Согд» наряду с sw'δ = su'γd (ср. в документах с горы Муг: s'γwδuk, s'γwδu'pk наряду с sw'δ'k «согдийский»). Среди засвидетельствованных передач этнонима türk в различных языках и письменностях (см. сводку [9, стр. 18]) наиболее близкой к согд. truk является, по-видимому, хотано-сакская форма ttrūkā, имеющая, подобно согдийской, вариант ttrūkā (= truh³, turk³, конечное -ā обычно в хотанском при передаче иноязычных слов с согласным исходом, см. [23, стр. 85—87]). Хот. ttrūkā может отражать либо согдийскую форму, либо зависеть от тибетской передачи этнонима (тиб. drug, drug-gu).

стк. 2. — nw'γ' r' γ'γ'p. Как было отмечено (см. стр. 130), имя этого кагана сопоставляется с китайским Эрфу-кэхань. Нескоро странным кажется наличие здесь определения twrkc «тюрский». — wskwp'r — «далее, далее», ср. обычное в согдийских текстах написание (')sk (= (ə)sk-, из др.-ир. uskāt): будд., ман. 'sk', христ. sq' «высокий, высоко», ман. (')skuyuk «верхний» и др., см. [44, § 99, 1215 и др.]. К 'wskwp'r восходит более позднее skrāγ, засвидетельствованное в согдийско-христианских текстах в написании squr'γ. Для значения этого слова, образованного с помощью суффикса -rāγ, ср. 'sk'γ'γ' выше; далее, более, и авест. 'ustama- «самый верхний; наиболее поздний»⁴¹. — m'γ'(w)[n] или m'γ'(n)? 4-я буква сильно повреждена, неясно также, является ли она конечной, или в слове было 5 букв. Начало следующей, 3-й строки повреждено, однако весьма сомнительно, что бы здесь содержалось слово tyкуп.

стк. 4. — k'w 'wrt(s'r) p(rm) — «(с тех пор и) впредь», ср. MN nwr mūd 'wts'r «с сегодняшнего дня (и) впредь» в мугском документе Nov. 4, R, стк. 8—9 [см. 18, стр. 22, 42]. — 'βc'prδ — «мир, вселенная» (из др.-ир. *frastambana-pada- или адаптация скр. Jambudvīpa, см. [44, § 372 и прим.]), слово, отмеченное в разных категориях согдийских текстов, но первоначально, по-видимому характерное более всего для буддийских памятников. — 'swšwy'ntt — Pl. от 'swšwy'nt (= s'šūyant/d), согдийского соответствия авест. saošyant- «спаситель(мира)», ср. среднеперс. sōšāns, sōšānš, sōšyāns

³⁸ nwš, nyš?

³⁹ Или читать (')wk' tr'w'n?

⁴⁰ Из türk + ü(t), монгольский аффикс Pl., см. [66, стр. 687—689; 36, III, стр. 310]. Кит. форма *туяюе*, t'uat k'uat, послужившая основой для такой реконструкции, рассматривается Э. Пуллеблонком как простая передача türk, см. [67].

⁴¹ В письменном согдийском засвидетельствована лишь более поздняя форма превосходной степени от (ə)sk — 'sk'tm, выступающая в прилагательном 'sk'tmcyk «наивысший, наибольший», см. [44, § 1215, 1296]. Ягнобское sitiryŋp «позавчера» восходит скорее всего к др.-ир. *us'ara-ayāna-, а не к *pastara-ayāna-, как объяснял это слово М. Н. Боголюбов, см. [3, стр. 12]. О ягн. sitām < *ustama- см. выше, прим. 29.

(формы, передающие авест. Nom. Sg. saōyaṣ), древнеиранские имена собственные *Saušanta-, *Sauša-, засвидетельствованные, согласно толкованию И. Гершевича [42, стр. 231], в эламских передачах Šušanda, Šaušā, а также парф.-маних. šwǰ «святой» (šōž, из sauša-), см. [21, стр. 907].

Б II, с т к. 1.—pwrsty — 3 Sg. Praes. от pwrst- «спрашивать», ср. pwrst в стк. 7. Написание с -w- впервые отмечено для этого глагола. ср. будд. 'pṛs-, pṛs-, маних. 'ps-, ps-, христ. ps- [44, § 145, 539 и др.]. Флексия -ty обычна для 3 Sg. Praes. легкой основы (pwrsty=əpstī, ср. 'pṛsty в SCE 112, 193, 363; P 6, 98), однако форма pwrst, толкуемая нами как 3 Sg. Imperf. с медиальным окончанием, свидетельствует скорее всего о нарушении ритмического закона, регулировавшего формы флексии в согдийском в зависимости от характера основы (ожидалось бы *pwrst'). Следует, однако, учитывать, что действие этого закона хорошо прослеживается лишь в сравнительно поздних согдийских текстах — в ранних памятниках, как показывают «Старые письма», легкие основы нередко выступали без гласного элемента флексии, см. [50, стр. 107—108].

с т к. 2.—š'dpyt (см. также Б II, стк. 7)=тюрк. šadapit, титул, известный по надписям Кюль-Тегина (КТм., 1) и Бильге-кагана (Ха 13, 14). Происхождение этого титула точно неизвестно. В. В. Радлов видел в нем сложение šad-apa-t; А. фон Габэн возводит его к šad-pit, где -pit из иранского -pati; С. Е. Малов переводит šadapit bāglār в надписи Кюль-Тегина «начальники шад и апа», в надписи Бильге-кагана это же сочетание переведено «шаданыт-беги» [см. 38, стр. 336; 13, стр. 83; ср. [8, стр. 519]. Не исключено, что šadapit действительно связано с титулом šad, но происхождение последнего столь же загадочно — распространенное в тюркологической литературе утверждение о заимствовании его из иранского остается недоказанным (сопоставление с согд. γš'yūð, γšyūð, xšyūð кажется сомнительным — в согдийском это слово, продолжающее др.-ир. xšaita-, авест. xšaeta- «глава, предводитель» [см. 44, § 269; 26, стр. 20—22], имело форму xšēð, в арабских и персидских источниках ixšid, ixšed, всё очень далеко от šad). Судя по форме Sg., š'dpyt может рассматриваться как первая часть сложного титула š'dpyt tr'w'nt «шаданыт-тархваны», ср. šadapit bāglār в надписи Кюль-Тегина. Написание tr'w'nt (то же в Б II, стк. 7 и Б III, стк. 4), с -w-, впервые засвидетельствовано в согдийских передачах титула tarqan/tarxan (о них см. [18, стр. 67]), формы с -w- не знают и тюркские памятники, однако она отражена, по-видимому, в китайских источниках (tā-kuān, *d'āt kuān) и заставляет вновь вернуться к проблеме происхождения имени согдийского царя Тархуна (согд. tr'w'nt в мугских документах и в надписях на монетах, Tarḥūn арабских и персидских текстов⁴², кит. *t'ūət хуан [см. 18, стр. 66—67; 37, стр. 117; ср. 73, стр. 270; 17, стр. 44]).—γwṛγ'p('y)nt (см. также Б II, стк. 12)—Pl. от первого засвидетельствованного тюркского (или монгольского?) титула γwṛγ'p'up — «державший пояс» (тюрк. qur) [или «державший колчан» (монг. qoḡ). Пояс с золотыми украшениями был непременной принадлежностью костюма знатного тюрка (как, впрочем, и согдийца), что отразилось и в семантике тюрк. qur: «1. пояс; 2. достоинство, чин» [см. 13, стр. 98]. Не менее важным символом власти и атрибутом высшей знати был колчан. Об этом сообщают, в частности, китайские источники, описывая структуру Первого каганата и состав его правящей верхушки [см. 27, стр. 27—28; 56, I, стр. 8—9; II, прим. 48—49]. Монг. qoḡ «колчан» широко представлено в тюркских языках (qur, qoḡ «оружие», ср. также перс. qōḡ в том же значении, qōḡхана «арсенал» и титулы qōḡci, qōḡbāši, qōḡci bāši, qōḡbeki и др.)⁴³. Вторая часть рассматриваемого слова — γ'p'up — представляет собой, очевидно, производное от глагольной основы qar-, имеющей в качестве исходных значения «хватать, (крепко) держать» [ср. 38, стр. 326; 8, стр. 420]. Производная основа qarip- (средне-возвратная) засвидетельствована уже в словаре Махмуда Кашгарского [см. 8, стр. 421], однако сам тип композиты *qoḡqarip требует особого рассмотрения.

с т к. 3.—γwyštr широко засвидетельствовано в согдийских переводах религиозных текстов [см. 44, § 230, 342; 18, стр. 38] в значениях, производных от основного — «старший, главный». Ср. в Карабалгасунской надписи: pr s't pwršpūty γwyštr 'yr 'wk'sy 'grw γwtrwγ..... n'm ð'βr «an alle den Titel(?) 'Volles Glück haben der Meister il ügāsi alpu qutluḡ ...' verlieh er...» [46, стр. 19].—pr'yt. Сопоставление с согд. пузу-: puz(y)t- (nižay-: niž(i)t-) «выходить»—глаголом, в котором сохранилась древнеиранская причастная форма ita- от корня i-, au- «идти», показывает, что pr'yt могло бы быть истолковано из др.-ир. parā-īta- «прибывший, достигший». Следует, однако, заметить, что такая форма не засвидетельствована в согдийском — обычно (так уже в «Старых письмах») в текстах выступает суплетивный глагол pr'ys-: pr'(')yt- «прибывать, достигать; передавать», восходящий к *parā-īsa-: *parā-(ā-) gata- [см. 44,

⁴² В «Хронологии» Бируни tarḥūn приводится как «прозвище» царей Самарканда, однако в списке «прозвищ» [см. 30, стр. 101] мы встречаем немало имен собственных (Māhūya — царь Мерва, al-Ḥajjā — царь Сарира и др.).

⁴³ По мнению Хубшмида [55, стр. 122], тюрк. qur «пояс» связано по происхождению с монг. qoḡ, см., однако, [35, I, стр. 428].

§ 539, 568, 603]⁴⁴. Как и в других случаях, контекст восстановить не удается, однако можно предположить, что р'yt обозначает начало правления Мухан-кагана⁴⁵. Другая возможность интерпретации р'yt — сопоставление этой формы с авест. frāy- «ублажать, вознаграждать, удостаивать, жаловать» (скр. frīnāti, prītāh), ср. согд. (')frūn-, 'rūn-: 'frūt- «восхвалять, почитать». При таком толковании р'yt (=frit) — «был пожалован», 3 Sg. непереходного претерита, совпадающее по форме с прошедшей основой.

стк. 4.— п'βсuh (ср. также ниже п'βсу'kh) в Бугутской надписи выступает, видимо, в качестве эквивалента древнетюркского bodun «население, подданные; (простой) народ» [ср. 44, § 1003, прим. 1].— р'rtw ð'rt — 3 Sg. переходного претерита от р'г- «кормить, содержать, вскармливать» [см. 44, § 890], хот.-сакск. pāg-, ср. тюрк. igit- с тем же значением в рунических памятниках (например, БК, 38).

стк. 8 — р'ðu w'št(?) — «вступил (на престол)?», букв. «ногу поставил», «утвердился».

стк. 11.— tr(γ)т «был опечален», из др.-ир. *tr̥xta-, см. [49, стр. 60; 44, § 152b, 531, прим. 1].— прыšnt — «внуки», ср. ман. pruyšn, pr'yšnt [44, § 299, 943].— kṛnw('ncy'k[h]) — «способность», ср. ман. qṛnw'ncy' [44, § 1003, 1032]. Не исключены и чтения kṛnw('nty'k)[h] или kṛnw('ntyh) — имя абстрактное с суффиксом -ty'kh или -tyh.

стк. 12.— wkwrt — Pl. от wkwg. Это слово, известное до сих пор лишь по колофону к буддийскому тексту Р 8 и по производному wkwg'y, засвидетельствованному в одном манихейском тексте, имеет в качестве основного значение «сородич» и может быть возведено к др.-ир. *wi-kur-. Ср. осет.-диг. igūn: igurd, ирон. g^wyugn: g^wyurd «рождаться, зарождаются», g^wyugæp «исток, происхождение»; скр. kūlam (Neutr.) «род, семья, совокупность», koraka- «почка (растения)»; среднеперс. kurgak «детеныш животного» (<*kurpa-ka-), н.-п. kurge; курд. kurg., kur «сын, мальчик» [см. 54, стр. 737; 22, стр. 39—40; 43, стр. 493—494; 59, I, стр. 238—239; II, стр. 272; 24, стр. 89; ср. I, стр. 532, 602].

стк. 13.— Чтение по крайней мере двух слов (wr'yt, 'nβyt) в сохранившейся части этой строки не может считаться установленным.—'sp'ðu'p — «воин, солдат», ср. будд. 'sp'ðu'nt, Pl. [44, § 1049—50].— wr'yt может быть истолковано как Pl. от *wr'y, ср. wr' «успех, прибыль» — '(y)t — «этот», старосогдийская форма, засвидетельствованная на ранней гемме [см. II, стр. 57—58, прим. 52], ср. более позднее 'yð из * alta-.

стк. 16.— šyḡ'k здесь, как и в Б III, стк. 2, выступает в качестве наречия «очень» [ср. 44, § 198, прим. 1, 982, 1208—1209].

VI

Тот факт, что надпись, включенная в состав тюркского ханского погребального комплекса, составлена согдийцем и на согдийском языке, имеет особое значение для изучения культурной и социальной жизни Тюркского каганата, его внешнеполитических и экономических связей. В полной мере это обстоятельство может быть оценено лишь на фоне истории развития тюрко-согдийских отношений в Центральной Азии, истории согдийского проникновения в Центральную Азию.

Первые контакты между тюрками и согдийцами относят обычно ко времени тюркского завоевания Средней Азии в 50—60-х годах VI в. [ср., например, 6, стр. 41]. Однако пересмотр сложившихся представлений о происхождении племени тюрк (до конца V в. — ашина) показывает, что задолго до завоевания Средней Азии тюрками, уже в III—V вв., существовали тесные контакты между ними и индоевропейским населением Восточного Туркестана, в том числе и согдийцами [10, стр. 278—281]. Эти связи были настолько очевидны и для южного соседа тюрков, что первым послом, прибывшим в 545 г. в ставку Бумына, китайский двор сделал Аньнопанто, согдийца из Ганьсу [56, I, стр. 6; II, стр. 490—491]. Одним из наиболее близких советников Дулань-кагана (588—599) был согдиец Ань Суй-цзе, активно противодей-

⁴⁴ Об основе Praes. yt- «идти», отмеченной в одном согдийско-манихейском тексте и, возможно, в VJ 314, см. [44, § 539, прим.]. В VJ 1096 р'ys'nt «они отправляют (?)» является скорее всего опиской вместо *р'yš'nt.

⁴⁵ Нет, конечно, оснований для сближения р'yt в надписи с скр. pṛeta — в согдийско-буддийских текстах р'yt из pṛeta значит только «страшилище, привидение».

ствовавший китайскому влиянию на тюркскую политику [68, стр. 318; 56, I, стр. 102—103].

Последующие события, относящиеся ко времени правления Шиби-кагана (609—619), показали, что высокое положение согдийца в каганской ставке и занятая им политическая позиция не случайны. При Шиби наметился подъем политического могущества Восточно-тюркского каганата, чему всеми силами противился китайский двор. Центральной фигурой во внешней политике Китая стал в 607 г. Пэй Цзюй, в прошлом наместник Западного края (Восточного Туркестана), где он всячески поощрял согдийскую торговлю. Но именно согдийцы оказались его опаснейшими политическими противниками в Монголии. Потерпев неудачу в попытках разжечь междоусобицу в каганате, Пэй Цзюй доносил императору: «Тюрки сами по себе простодушны и недалководны, и можно внести между ними раздор. К сожалению, среди них живет много согдийцев, которые хитры и коварны; они научают и направляют тюрков» [56, I, стр. 87—88].

Под 630 г. упоминаются имена вождей согдийцев в каганате — это «великий вождь» самаркандец Кан Су-ми и бухарец Ань Ту-хань, который привел с собой 5 тыс. соплеменников. Его семья переселилась в каганат из Кучи задолго до 630 г. — еще отец Ань Ту-ханя, Ань У-хань, служил тюркским каганам и носил титул эльтебер [56, I, стр. 143, 196; 68, стр. 324]. Число согдийцев оказалось тогда настолько значительным, что китайский историограф рассматривал их как одно из племен каганата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И., Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, М.—Л., 1958.
2. Бичурин Н. Я. (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I—III, М.—Л., 1950—1953.
3. Боголюбов М. Н., Ягнобский (новоогдийский) язык. Исследование и материалы, Л., 1956 (автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук).
4. Васильев В. П., Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошоцайдаме и Карабалгасуне, — «Сборник трудов Орхонской экспедиции», вып. III, СПб., 1897, стр. I—36.
5. Владимирцов Б. Я., Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах, — «Северная Монголия», т. II. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г., Л., 1927, стр. 1—42.
6. Гумилев Л. Н., Древние тюрки, М., 1967.
7. Документы с горы Муг, М., 1963 [Корпус ираноязычных надписей (Corpus inscriptionum iranicaarum). Ч. II. Надписи селевкидского и парфянского периодов и надписи Восточного Ирана и Средней Азии. Т. III. Фотоальбом].
8. Древнетюркский словарь, Л., 1969.
9. Кляшторный С. Г., Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964.
10. Кляшторный С. Г., Проблемы ранней истории племени тюрк (ашина), — «Новое в советской археологии (памяти С. В. Киселева)», М., 1965, стр. 278—281.
11. Лившиц В. А., К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе, — сб. «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе», М., 1969, стр. 47—81.
12. Лившиц В. А., Луконин В. Г., Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах, — ВДИ, 1964, № 3, стр. 155—176.
13. Малов С. Е., Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.—Л., 1959.
14. Радлов В. В., Атлас древней Монголии, СПб., 1892—1899 («Труды Орхонской экспедиции», вып. I—4).
15. Смирнова О. И., Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949—1956 гг.), М., 1963.
16. Смирнова О. И., Нумизматические заметки, — ЭВ, XVIII, 1967, стр. 34—40.

17. Согдийские документы с горы Муг. Выпуск I: А. А. Фрейман, Описание, публикации и исследование документов с горы Муг, М., 1962.
18. Согдийские документы с горы Муг. Выпуск II: Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица, М., 1962.
19. Тенишев Э. Т., Древнейтурские надписи Киргизии, — «Народы Азии и Африки», 1964, № 1, стр. 146—149.
20. Эпиграфика Киргизии. Выпуск I. Составил Ч. Джумагулов, Фрунзе, 1963.
21. Andreas F. C., Henning W. B., *Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan III*, — SPAW, 1934, XXVII, стр. 848—911.
22. Bailey H. W., *Indo-Iranian Studies*, — TPhS, 1953, стр. 21—42.
23. Bailey H. W., *Turks in Khotanese Texts*, — JPAS, January 1939, стр. 85—91.
24. Benveniste E., *Études sur la langue ossete*, Paris, 1959.
25. Benveniste E., *Notes sogdiennes. IV*, — BSOS, 1938, vol. IX, pt 3, стр. 495—519.
26. Benveniste E., *Titres et noms propres en iranien ancien*, Paris, 1966 («Travaux de l'Institut d'études iraniennes de l'Université de Paris», 1.).
27. Chavannes Ed., *Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux*, SPb., 1903 («Сборник трудов Орхонской экспедиции», VI).
28. Chavannes Ed., *Le nestorianisme et l'inscription de Karabalgassoun*, — JA, série 9, t. IX, 1897, стр. 43—85.
29. Chavannes Ed. et Pelliot P., *Un traité manichéen retrouvé en China, traduit et annoté*, — JA, série 10, t. XVIII, 1911; стр. 499—617; pt II — JA, série 11, t. I, 1913, стр. 99—199; 261—394.
30. *Chronologie orientalischer Völker von Albêrûnî*. Hrsg. von Dr. C. E. Sachau, Leipzig, 1878.
31. Clauson G., *Turks and wolves*, — «Studia Orientalia», t. XXVIII: 2, Helsinki, 1964, стр. 1—22.
32. *Codices sogdiani. Manuscripts de la Bibliothèque Nationale (Mission Pelliot) reproduits en fac-similé avec un introduction par E. Benveniste*. Copenhagen, 1940 (*Monumenta linguarum Asiae Maioris* edidit K. Grønbech. III. *Codices sogdiani*).
33. *Les dessins pictographiques et les inscriptions sur les rochers et sur les stèles en Mongolie recueillis par Rintchen* (*Corpus scriptorum mongolorum Instituti linguae et litterarum Academiae scientiarum Republicae Populi Mongolici. Tomus XVI, fasciculus 1*), Улаанбаатар, 1968.
34. Devéria G., *Musulmans et Manichéens chinois*, — JA, série 9, t. X, 1897, стр. 445—484.
35. Doerfer G., *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd I: Mongolische Elemente im Neupersischen*, Wiesbaden, 1963 (Akademie der Wissenschaften und Literatur. Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Bd XVI).
36. Franke O., *Geschichte des chinesischen Reiches*, Bd II—III, Berlin, 1936—1937.
37. Frye R. N., *Ṭarxūn ~ Ṭürxūn and Central Asian History*, — HJAS, vol. 14, № 1—2, June 1951, стр. 105—129.
38. Gabain A. von, *Altürkische Grammatik*, 2. Auflage, Leipzig, 1950.
39. Gabain A. von, *Buddhistische Türkenmission*, — «Asiatica Festschrift Friedrich Weller», Leipzig, 1954.
40. Gabain A. von, *Inhalt und magische Bedeutung der altürkischen Inschriften*, — «Anthropos», vol. 48, 1953, стр. 537—556.
41. Gauthiot R., *Essai de grammaire sogdienne. Première partie: Phonétique*. Paris, 1914—1923 (*Mission Pelliot en Asie Centrale. Série petit in-octavo, tome 1*).
42. Gershevitch I., *Amber at Persepolis*, — «Studia classica et orientalia Antonino Pagliaro oblata», vol. I, Roma, 1969, стр. 167—251.
43. Gershevitch I., *Ancient survivals in Ossetic*, — BSOAS, vol. XIV, pt 3, 1952, стр. 483—495.
44. Gershevitch I., *A grammar of Manichean Sogdian*, Oxford, 1954 (*Publications of the Philological Society, XVI*).
45. Göbl R., *Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien, Bd I—IV*, Wiesbaden, 1967.
46. Hansen Q., *Zur soghdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasun*, — JSFOu, vol. XLIV, 1930, pt 3, стр. 3—39.
47. [Heikel A.], *Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise 1890 et publiées par la Société Finno-Ougrienne*, Helsingfors, 1892.
48. Henning W. B., *Argi and the «Tokharians»*, — BSOS, vol. IX, pt 3, 1938, стр. 545—572.
49. Henning W. B., *Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch*, Berlin, 1936 (APAW, № 10).
50. Henning W. B., *Mitteliranisch*, — «Handbuch der Orientalistik», 1. Abt., Bd IV: Iranistik. Abschnitt I: Linguistik, Leiden — Köln, 1958, стр. 20—130.
51. Henning W. B., *The monuments and inscriptions of Tang-i Sarvak*, — AM, NS, vol. II, pt 2, 1952, стр. 151—178.

52. Henning W. B., A Sogdian god, — BSOAS, vol. XXVIII, pt 2, 1965, cрp. 242—254.
53. Henning W. B., Sogdian Tales, — BSOAS, vol. XI, pt 3, 1945, cрp. 465—487.
54. Henning W. B., The Sogdian Texts of Paris, — BSOAS, vol. XI, pt 4, 1946, cрp. 713—740.
55. Hubschmid J., Schläuche und Fässer, Bern, 1955 (Romanica Helvetica, 54).
56. Liu Mau-Tsai, Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe), Buch I—II, Wiesbaden, 1958 (Göttinger Asiatische Forschungen, Bd 10).
57. Marquart J., Historische Glossen zu den alttürkischen Inschriften, — WZKM, Bd XII, 1898, cрp. 157—200.
58. Mather R.-B., Biography of Lu Kuang, Berkeley — Los Angeles, 1959 («Chinese dynastic histories translations», University of California, № 7).
59. Mayrhofer M., Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Bd I—II, Heidelberg, 1956—1963.
60. Mori M., Historical studies of the ancient Turkic peoples. I, Tokyo, 1967.
61. Müller F. W. K., Ein iranische Sprachdenkmal aus der nördlichen Mongolei, — SPAW, 1909, cрp. 726—730.
62. Müller F. W. K., Eine soghdische Inschrift in Ladakh, — SPAW, 1925, XXXI, cрp. 371—372.
63. Müller F. W. K., Soghdische Texte. I, — APAW, 1912 (Berlin, 1913), cрp. 1—111.
64. Müller F. W. K., Lentz W., Soghdische Texte II, — SPAW, 1934, XXI, cрp. 504—607.
65. Pelliot P., Les Mo-ni et le Houa-hou-king, — BEFEO, t. III, 1903, cрp. 318—327.
66. Pelliot P., L'origine de T'ou-kiue, nom chinois des Turks — TP, vol. 16, 1915, cрp. 687—689.
67. Pulleyblank E. G., The Chinese name for the Turks, — JAOS, vol. 85, 1965, № 2, cрp. 121—125.
68. Pulleyblank E. G., A Sogdian colony in Inner Mongolia, — TP, vol. 41, 1952, cрp. 317—356.
69. Reichelt H., Die soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museums. II. Teil: Die nicht-buddhistischen Texte, Heildelberg, 1931.
70. Spuler B., Mittelasien seit dem Auftreten der Türken, — «Handbuch der Orientalistik», 1. Abt., Bd V: Altaistik, Abschnitt 5: Geschichte Mittelasiens, Leiden — Köln, 1966, cрp. 123—310.
71. Textes Sogdiens, édités, traduits et commentés par E. Benveniste, Paris, 1940 (Mission Pelliot en Asie Centrale, Série in-quarto. III).
72. Waldschmidt E., und Lentz W., Die Stellung Jesu im Manichäismus, Berlin, 1926 (APAW, № 4).
73. Wellhausen J., Das arabische Reich und sein Sturz, Berlin, 1902.